

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 28 • октябрь • 1987

— Вот и день прошел!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

В НОМЕРЕ

АМУРСКИЕ ВОИНЫ

(начало документального
детектива В. Витальева)

стр. 4—5.

НЕДОВЕРЧИВЫЙ ПАССАЖИР «ПОЕЗДА ДРУЖБЫ»

стр. 10—11.

ФИЛОСОФИЯ ОБОЛЬСТИТЕЛЯ:

ПОДАРКИ ЖЕНЩИНАМ
ДОЛЖНЫ ОКУПАТЬСЯ

стр. 12—13.

В НОМЕРЕ

Может, легче — за тонущим
Броситься в воду.
Иль в огонь,
Чтоб спастись, из огня вынося,—
Чем с трибуны сказать
Партсобранью завода:
— Лжет мой друг!
Доверять ему больше нельзя!..
Это будет, как взрыв..
Но что будет, то будет:
Во спасение правда нужна,
А не ложь.

АКТУАЛЬНЫЕ СТИХИ

Михаил ВЛАДИМОВ

Он из этих вот сильных людей
Вышел в люди.
И взмог,
И вспарил:
Лавры, почести сплошь!
Но однажды —

СТИХИ О КРИТИКЕ

С черты еще многим неясной —
Стал терять высоту,
Чистоту,
Прямоту.
И гнезилось в душе лишь одно:
Удержаться

И остаться любой ценой на
посту!..
И приписка —
Соломинкой, чтоб ухватиться...
И угроза, что кляп:
Не раскрыли бы рты...

Уступить?
Отступить?
Вместе с ним оступиться...
Выбор только один:
Тот, что делаешь ты!

НОВЫЙ
ПОДВИГ
ГЕРАКЛА

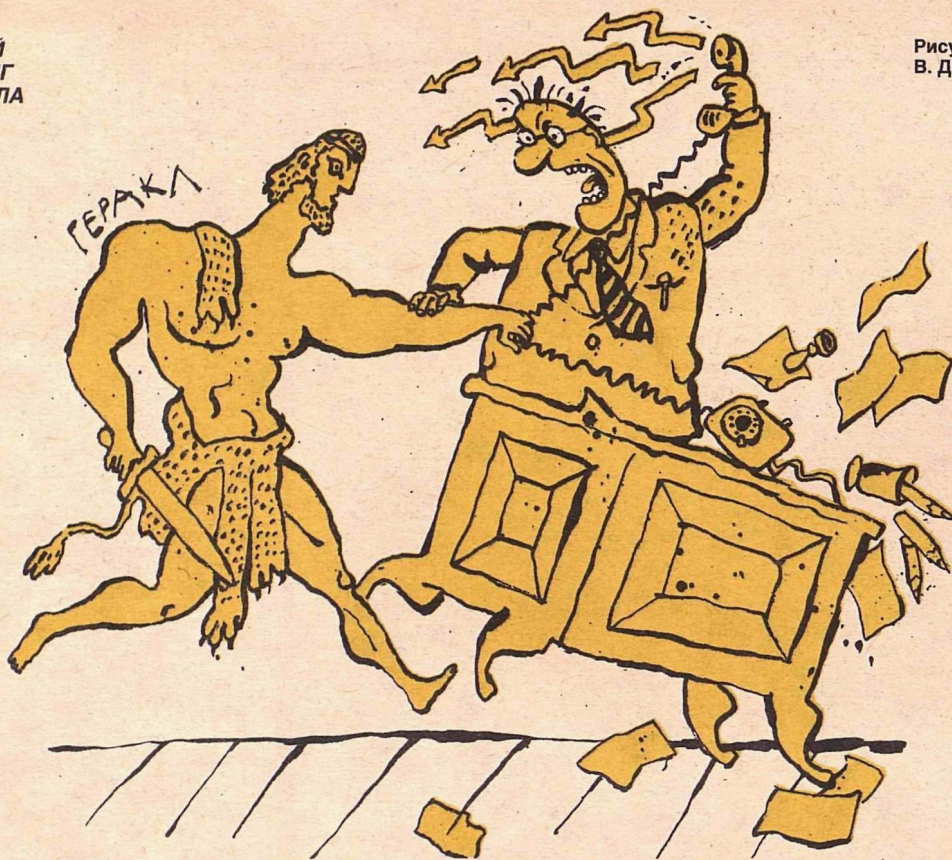

Рисунок
В. ДМИТРИЮКА.

Когда Крокодилу, точнее — Крокодилчику, стукнуло одиннадцать лет — а стряслось это в 1933 году, — произошло событие, существенно повлиявшее на все его дальнейшее культурное развитие.

Будучи с младенчества необычайно любознательным, Крокодилчик рано пристрастился к чтению и целыми днями напролет пропадал в библиотеках. Даже толстые книги он проглатывал с такой быстротой и легкостью, будто это были незначительные мелкие рыбешки, вроде мойвы.

И вот тут-то ему на зуб попала первая книжка серии «Жизнь замечательных людей», основанной в упомянутом уже году А. М. Горьким. Еще не подозревая, что серия станет знаменитой, Крокодилчик горячо ее полюбил. И с течением времени, запоем читая жизнеописания различных ученых, политиков, артистов, полководцев, писателей, он неотвратимо начал превращаться из обыкновенного Крокодилчика в эрудированного Крокодила.

И все бы хорошо, да нет-нет на его большие глаза набегала маленькая тучка печали: уж больно редко рассказывала серия про любезных крокодильскому сердцу сатириков. А сколько среди них замечательных!

Причмокивая губищами и жмурясь от удовольствия, Крокодил грезил наяву: пред ним величественно шествовали один за другим блестящие острофилы всех времен и народов. Впрочем, не сами они, а книги о них. И столь желанным было видение, что лапы жадно к ним потянулись... Увы! Пришлось хлопнуть себя хвостом по лбу, вспомнив: подобное состояние на сатирическом языке именуется маниловщиной. Но она, хоть плачь, бесплодна.

— Так нет же! — в отчаянии клацнул зубами Крокодил. — Будут плоды у моих мечтаний!

И принял бесповоротное решение: учредить собственную, узкоколовую журнальную рубрику — ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ САТИРИКОВ! ЖЗС!

Слегка успокоившись после эпохального решения, Крокодил впал в мучительное раздумье: с кого начать?

С донашеэрного Аристофана? Со Свифта? А может, с дедушки Крылова?

И вдруг — восслався еще раз, пушкинский год! — всплыли в памяти грабурные строки:

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремющей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!

А ведь благодаря Александру Сергеевичу, подумал Крокодил, ювеналов бич сделался своего рода символом всей сатиры! Так не будет ли справедливым открыть новую рубрику новеллой о жизни и творчестве того сатирика, чье имя дало возможность породить сам символ?

— Кто последний? Я за вами.

Рисунок О. ЭСТИСА.

См. стр. 8—9.

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ДЕФИЦИТ

Если нет поэта, не писавшего о любви, то, уверяю вас, скоро трудно будет найти журналиста, который бы не оттачивал перо на проблеме приема-сдачи пустой посуды.

Порой начинает казаться, что речь идет не о груде банок и бутылок, которые надо уложить в пустые ящики, а о «проблеме века», совершенно неразрешимой без срочного проведения очередной научно-технической революции.

Впрочем, лет пять назад средства массовой информации с восторгом сообщали, что наконец-то на торговой карте нашей страны появилась точка, где «проблема века» решена. Действительно, в г. Клайпеде никаких проблем со сдачей пустой посуды нет. Причем ни миллионных каплюжений, ни привлечения светлых академических голов из ближних и дальних НИИ для этого не потребовалось. Вполне хватило ума местных организаторов торговли. У журналистов просто гора свалилась с плеч. Раз получилось в Клайпеде, то, значит, можно и в других местах! «Посудный» ажиотаж на газетных страницах стих, но, как выяснилось, это вовсе не означало повсеместной ликвидации «проблемы века». Например, наш читатель из г. Бугуруслана Е. Мигунов пишет, что вот уже год он живет мечтой о сдаче пустой посуды. Однако большинство приемных пунктов его родного города не работают и выглядят так, как тот, что мы видим на фотографии, присланной им.

А между тем, как сообщает нам еще один бугурусланец, П. Сырескин, близка пора, когда по городским улицам, густо покрытым бутылочными осколками, можно будет ходить только в специальной обуви. Не проводя фундаментальных исследований, а ссылаясь только на личный опыт, тов. Сырескин пишет, что в Магнитогорске и Барнауле сдать посуду не легче чем, в Бугуруслане. Так недалеко и до утверждения, что в районе Уральского хребта пустые бутылки вообще не принимают.

Однако другая фотография, присланная из далекого от уральских отрогов Ростова-на-Дону, убеждает, что и здесь к использованной посуде относятся с уважением, достойным «проблемы века». Во всяком случае, судя по снимку, строительство может затянуться до конца столетия.

Из всего этого, к сожалению, напрашивается только один вывод. Дело вовсе не в дефиците тары или приемных пунктов. Похоже, что главный дефицит — все-таки именно то, чего вполне хватило в Клайпеде: предприимчивость и желание работать.

П. КАШУРИН.

ВОТ ТАК ТИК-ТАК!

На Чистопольском часовом заводе изготовили часы «Восток-Амфибия-2209», которые почему-то назвали наручными. Наш читатель И. Кочанов из г. Усть-Кулома (Коми АССР) сразу обнаружил странность: в неподвижном состоянии они идут, но стоит надеть их на руку и тем паче погрозить этой рукой часовых дел бракоделам, как тотчас останавливаются... В общем, не все еще познано на белом свете!

Н. МОНАХОВ.

РЕКОМЕНДАЦИЙ НЕ БЫЛО...

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

Фельетон назывался «Золотой ключик» (№ 31, 1986 г.). В нем рассказывалось об инициативе местных партийных и советских органов города Пярну (Эстонская ССР), организовавших задолго до вступления в силу Закона об индивидуальной трудовой деятельности одно из первых в стране кафе на семейном подраде.

В редакцию посыпались отклики читателей. Во многих был вопрос: как нам создать подобное кафе? А москвич Александр Какорин обратился за разрешением об организации такого заведения в свой Красногвардейский районный исполком. И там ему заведующий райфинотделом А. И. Крупко дал, как говорится, от ворот поворот. Об этом сообщалось в обзоре читательской почты под заголовком «Золотой ключик от скрипучей двери» (№ 11).

Но вот вскоре мы получили официальный ответ из Красногвардейского райисполкома г. Москвы. Заместитель председателя исполкома Е. А. Пиляев пишет: «Факты, изложенные в публикации, действительно имели место в январе 1987 года. Отказ в создании кафе был обусловлен отсутствием на то время конкретных рекомендаций по организации данной работы в г. Москве.

В настоящее время, — продолжает тов. Пиляев, — в Красногвардейском районе зарегистрированы уставы и начали действовать 2 кооператива по выпуску товаров народного потребления и один по бытовому обслуживанию населения, рассмотрены заявления и приступили к индивидуальной деятельности 114 граждан. Исполкомом проведена разъяснительная работа в отделах и управлениях районного хозяйства по строгому соблюдению Закона об индивидуальной трудовой деятельности и постановления правительства по организации кооперативов. На заседаниях комиссии исполкома по индивидуальной трудовой и кооперативной деятельности регулярно рассматриваются заявления граждан».

В связи с ответом тов. Пиляева мы поинтересовались: а есть ли среди тех 114 граждан житель района А. Какорин?

Оказалось, нет. Но почему? Ведь он обращался в исполком?

А потому, разъяснил нам уже первый заместитель председателя Мосгорисполкома Ю. М. Лужков, что «гр. Какорин своего адреса не оставил, вторично в исполком райсовета не обращался, по этой причине пригласить его на беседу в исполком Моссовета и дать необходимые разъяснения не представляется возможным».

Так ли это? Увы, не так. Александр Какорин целый месяц обивал пороги райисполкома и треста столовых этого района. Потом он побывал в Советском райисполкоме. Ни тут, ни там не встретил понимания.

Натолкнувшись на бюрократическую стену, человек, который мог бы оказать полезным районному кооперативному обществу, остался для обоих районов потерян. А знают ли в райисполкомах, сколько еще есть граждан, попытавшихся сделать доброе дело, но не добившихся толку в суровых официальных кабинетах? Среди них, кстати, и те четверо молодых людей, которые явились в нашу редакцию с предложением открыть кооперативное кафе «Крокодил»...

Но пуще всего нас удручило то, что и первый зампред Мосгорисполкома подтвердил слова своего районного коллеги: «На указанный период времени в исполкомах райсоветов отсутствовали необходимые рекомендации по организации индивидуальной трудовой и кооперативной деятельности».

И тут нам стало обидно за нашу столицу. Почему-то в крошечном Пярну можно безо всяких рекомендаций проявлять инициативу, а в огромной Москве — только по указанию свыше.

Каковы же результаты столь замечательной административной деятельности?

А вот каковы: «В г. Москве, — сообщает Ю. М. Лужков, — зарегистрировано 46 кооперативов по общественному питанию... В настоящее время (ответ поступил в июне. — Прим. ред.) действует 5 кооперативов».

46 зарегистрированных и 5 действующих! И это на Москву с ее девятимиллионным населением и двумя-тремя миллионами ежедневных гостей! Да если даже откроются все сорок шесть кафе — это ведь капля в море...

Закон принят, постановления изданы, указания и разъяснения даны, людей, желающих заняться индивидуальной трудовой деятельностью, судя по газетным репортажам, немало — что же еще мешает городским властям наладить дело? Теперь, слава богу, даже не требуется особой инициативы, достаточно исполнять закон!

Рисунок О. ТЕСЛЕРА.

Глава I МАТРОССКИЙ ТАНЕЦ

По вихлястым окраинным улочкам, вспарывая фарами ночную тьму, движутся три «жигуленка». У частного дома, со всех сторон поросшего акацией, кортеж останавливается. Шестеро парней в белых рубашках и безупречно отглаженных брюках выходят из машин и неспешно направляются к дому. На массивные ставни и на обитые железом двери сыплются удары богатырских кулаков и плечей: «Отчиняй, хозяин! Принимай гостей!»

И вот уже заспанный хозяин с розовым пухлым лицом и маленькими бегающими глазками трясущимися руками отпирает хитроумный японский замок.

Шестеро парней шумно вваливаются в дом, проходят по комнатам, на ходу оценивая быстрыми взглядами обстановку, — так кассирша в магазине, отбивая чек, бегло посматривает на покупателя, безошибочно определяя, можно ли ему на сдачу с тройка всучить два металлических рубля.

Своей оценкой гости остаются довольны: ковры, хрусталь, бронза — все, как положено...

— Гулять будем! Ставь выпивку и закуски! — приказывает хозяину один из пришельцев.

В мгновение ока перепуганная сонная хозяйка накрывает на стол: коньяк, балычок, икорка... И если на прилавках возглавляемого хозяином продмага лишь изредка белеет палтус одинокий, то дома всегда отыщется деликатес.

...В углу столовой ночные визитеры замечают подернутый паутиной белый рояль «Блютнер».

— Играешь? — сурово спрашивает хозяина предводитель гостей.

— Дочка в детстве играла, — как бы оправдываясь, разводит руками хозяин.

— Буди дочку! Пушай лабаэт!

Хозяин хватается за голову:

— Боже мой! Может, без музыки обойдемся, а?

— Буди, кому сказано! Под асфальт закопаю! — И предводитель демонстрирует короткий, как бранное слово, ствол обрез.

Через минуту в доме звучит музыка.

— Давай матросский танец! Танец «В балычок» в честь нашего Матроса!

Дочка в махровом халате, накинув наверх ночной рубашки, гальванически дергаясь, наяривает на рояле. Ночные гости глшат коньяк из хрустальных фужеров.

— Хозяин! Тащи еще закуски! — требуют они. — Повторение — мать пи-
танья!

Но хозяина с хозяйкой уже и след простыл: бросив на произвол хулиганья музицирующее чадо, они под шумок эвакуировались к соседям.

Раздосадованные бегством хозяев, пришельцы вынимают обрезы и открывают пальбу по залежам хрустала в серванте.

Ребята с Амурского гуляют...

При слове «Амур» наверняка возникнут у читателей дальневосточные ассоциации: сопки, Тихий океан, граница... Те, которые помеломанистей, возможно, припомнят старинный вальс «Амурские волны»...

Так вот, ребята с Амурского ко всем перечисленным реалиям не имеют ни малейшего отношения. С Дальним Востоком их связывает разве что сердитая на вид рыба лосось, несостоявшийся потомством которой любят они закусывать коньяк. «Амур» в данном контексте — тихая рабочая окраина бывшего Екатеринослава, а ныне Дне-

пропетровска, обязанная своим названием игривым фрейлинам Екатерины, которые, выехав сюда вместе с императрицей «на дачу», облюбовали эти когда-то укромные места для амурных свиданий.

Чем еще интересен днепропетровский Амур: пожалуй, лишь тем, что испокон веков наряду с одесской Молдаванкой, ростовской Нахаловкой, харьковской Журавлевкой и московской Марьиной рощей славился он высокой преступностью. То ли горячая южная кровь была тому виной, то ли некогда изобильное и дешевое южное вино — сказать не берусь. И в наши дни Амур не ударяет лицом в грязь — именно в тенистых амурских двориках росли, крепчали и наливались сперва соками, а уж потом тем самым вином ребята Матроса (или ребята с Амурского), бывшие на протяжении почти целого десятилетия властелинами преступного мира всего Днепропетровска. Обзаведясь высокими связями, они стали практически неуязвимыми для милиции, некоторые представители которой были куплены состоятельными амурцами.

Чем занимались амурские ребята?

В общем-то, разбоем и бандитизмом. Но не совсем обычными.

Возьмем с библиотечной полки крайне весомый однотомник Советского энциклопедического словаря (СЭС) и откроем его на букве «Р». Здесь на прозрачной папиросной странице № 1149 между историком Петром Ивановичем Рычковым и английским физиком бароном Рэлеем примостилось непривычное для нашего слуха и глаза импортное словечко «рэккет». Вот как объясняет его значение это в высшей степени толковое издание: «РЭКЕТ» — (в США) — крупный шантаж, вымогательство, осуществляемое путем угроз и насилия гангстерами (рэкетирами).

Все верно в этой лаконичной формулировке, за исключением внутрисловесного «в США». Впрочем, удивляться тут нечему: издан словарь в 1981 году, когда было принято любой социальный порок — наркоманию, проституцию или тот же рэккет — отсылать куда подальше, будто такая отсылка гарантировала невозможность его появления в нашем обществе.

Тех читателей, которые, несмотря на толковое словарное объяснение, не вполне уяснили суть этого понятия, отшлем к еще более дефицитной, чем СЭС, хотя и не столь увесистой книжке Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка»: «Рэккет — самая верная и доходная профессия, если ее можно назвать профессией», — пишут классики и продолжают: «Нет почти ни одного вида человеческой деятельности, которого бы не коснулся рэккет. В магазин входят широкое плечие молодые люди в светлых шляпах и просят, чтобы торговец аккуратно, каждый месяц, платил бы им, молодым людям в светлых шляпах, дань... Если торговец не соглашается, молодые люди вынимают ручные пулеметы («машин-ган») и принимают стрелять в прилавок. Тогда торговец соглашается. Это — рэккет. Потом приходят другие молодые люди и вежливо просят, чтобы торговец платил им дань за то, что они избавят его от первых молодых людей. И тоже стреляют в прилавок. Это тоже рэккет».

Похожими методами, отказавшись разве что от светлых шляп как от пережитка прошлого, действовали и ребята с Амурского, явно не читавшие не только энциклопедического словаря, но и «Одноэтажной Америки». Более того, услышав кто-нибудь из них фамилию Ильф, решил бы наверняка, что это кликуха типа «Буни», «Сявы» или того же «Матроса». Если уж сам Матрос — главарь амурских бандитов и личность во многом неординарная —

писал «ничесность», «крычать», «подписки онивыезде», то какой эрудиции требовать от куда менее просвещенных Кабана, Рахита или Васи Горбатого?

Образчик матросской грамотности я почерпнул из уголовного дела, занимающего 34 тома, но, на мой взгляд, достойного большего объема. Интересно, что дела на амурских ребят методично возбуждали, начиная с 1976 года, но под давлением сверху столь же методично и прикрывали. Лишь в 1984 году, когда в «дело Матроса» впряглась следственная бригада МВД СССР во главе со старшим следователем по особо важным делам майором (а ныне подполковником) милиции С. В. Серебренниковым, оно стало медленно, со скрипом двигаться с места.

Итак, ребята Матроса практиковали рэккет в чистом виде. За все десять лет своей более чем бурной «деятель-

вор-рецидивист, буфетчик пивбара, раб-ботник управления рынками, «цеховик», продавец пива, бармен и прочая, и прочая.

Банда Матроса прошла в своей эволюции несколько ступеней, которые мы попытаемся подробно проследить по ходу повествования. Она возникла в годы застоя как стихийное объединение крепких амурских парней с зудящими кулаками, пытавшихся единственным доступным им способом — мордобитием — восстановить «социальную справедливость», как они ее понимали. Изрядно доставалось от них торгашам и «деловарам» — этим разгулявшимся купчикам середины семидесятых годов. На первых порах ребятам с Амурского и в голову не могло прийти, что таким «избитым» в буквальном смысле способом можно зарабатывать деньги — и деньги немалые.

ности» они ни разу не тронули «просто-го» честного человека — и отнюдь не из каких-то там принципов (какие принципы могут быть у бандитов?), а из соображений чисто материального свойства. С честного человека какой навар? Хоть душу из него вытряси — а окромя потертого кошелька с «рейтузным рублем»*, выданным женой на текущие расходы, да измятого проездного билета, именуемого на Украине «постоянным», ничего с него не имеешь. Потому-то, будучи не всегда трезвыми, но все же реалистами, и «работали» амурцы с людьми темными, но денежными, которые скорей заплатят дань, чем пожалуются в милицию.

Вот список жертв амурских ребят, то есть тех, кого подвергли они «спокойному», «жестокому» либо «тщательному» рэккету (подробнее об этих трех разновидностях рэккета мы поговорим чуть позже). А поскольку не на всех еще перечисленных в нем лиц обрушилась карающая десница закона, я приведу этот список без упоминания фамилий, но с указанием профессий — официальных и не вполне: бармен, бармен, экспедитор автолавки, продавец пива, ростовщик, бармен, официант, торговец наркотиками, директор магазина, ювелир, руководитель подпольного цеха,

* «Рейтузный рубль» (амурск.) — последний рубль.

Пройдя в своем развитии несколько этапов, новоявленные деточки кончили тем, чем и должны были кончить: стали неотличимы от своих бывших врагов — вору и «цеховиков», срослись с ними до полного сиамского симбиоза.

Это лишний раз подтверждает в общем-то банальную историю о том, что двух «справедливостей» в одном обществе быть не может. Пытаясь установить собственную кулачную «справедливость», амурцы в конечном итоге сами стали частью машины несправедливости — причем не какой-то там второстепенной шестеренкой, а важнейшим колесным валом.

«Амурские войны», о которых пойдет наш рассказ, как и любая крупная конфронтация, начинались с мелких локальных конфликтов. По мере расширения «кампании» в бой вводились все новые и новые ресурсы. И вот уже в патриархальных приднепровских переулках, в барах, ресторанах и кафе стали раздаваться выстрелы...

Глава II «МАМА, КО МНЕ ИДУТ!..»

«Ах, Одесса, жемчужина у моря...» — грохотал оркестр в днепропетровском ресторане «Калина». Ах, «золотая» середина семидесятых годов!

У эстрады в разной степени подпития отплясывали посетители. Танцующие тряслись, выкручивались, подпрыгивали, размахивая руками. Временами казалось, что они не пляшут, а произносят с шаткой трибуны пылкую речь в защиту своего образа жизни.

За ближайшим к эстраде столиком сидели пятеро: трое парней и две девушки. Они не танцевали, а выпивали и закусывали.

Один из парней — Виктор Шапкин, которого «ребята с Амуре» и сам Матрос называли Шапой, глядел на пляшущих и медленно зверел. Ему, выросшему на Амуре и в свои 25 лет дважды судимому за хулиганство, противно было смотреть, как рвзятся холеные, не нюхавшие нар «лохи»*. Его спутники — Кукуруза (Бабенко) и Комар (Комаров) разделяли шапину негодование.

Вот так — шумно и бестолково — гуляли на первых порах ребята Матроса. То в одном «кабаке» побьют «лоха», то в другом пальнут из обрезка по стойке бара... Слухи об этом ходили по Днепропетровску, обрастая все новыми красочными деталями.

Амурских ребят начали бояться. И вот уже кто-то из барменов подхалимски подносит им дармовую выпивку, которую амурцы с благосклонностью принимают. За выпивкой следует скромная паюсо-кетовая закуска, а от нее, как свидетельствует практика уголовных дел о взяточничестве, один шаг до шуршащей купюры. Как временная гарантия ненападения появляются и сами купюры — сначала мелкие, красноватые, наверное, от стыда, но постепенно зеленеющие и коричневеющие от возрастающей дерзости и значимости...

В «Льдинке» у Матроса были свои бармены: Лона (Валик Пекуровский) и Черток (фамилия и кличка совпадают). То, что Матрос считал их «своими», отнюдь не гарантировало им неприкосновенности — в этом нам с вами предстоит убедиться.

Как-то раз в «Льдинке» Матрос с ребятами надул бармена Викентьева*. Вообще-то Викентьев не собирался играть в карты, но, когда выяснилось, что в долю к нему набивается сам Матрос и что играть предстоит — смешно сказать! — на мороженое, бармен — человек состоятельный — согласился: на мороженое много не выиграешь, зато и корову не проиграешь...

Ах, как глубоко заблуждался наивный труженик мерного стакана! Через десять минут игры выяснилось, что Юра Рыжий (Целищев) и Ткач (Ткаченко) — соперники Викентьева и Матроса — выиграли... 44 000 (сорок четыре тысячи) порций мороженого.

— Как будем «кашлять»** — натурой или деньгами? — поинтересовался Юра Рыжий.

— Чего уж там мелочиться: деньгами, — с деланным вздохом ответил Матрос.

В его словах был свой резон: при расплате натурой пришлось бы Рыжему и Ткачу на какое-то время стать единственными потребителями всей продукции днепропетровского хладокомбината, а такого переохлаждения не выдержал бы даже самый крепкий амурский организм.

Стали считать — и получилось, что в денежном выражении (по ценам «Льдинки») проигрыш составляет... 41 360 рублей.

— Плачу половину! — с готовностью согласился Матрос и вышел.

Викентьев был не только состоятельным, но и рассудительным человеком, поэтому артачиться не стал, а быстро выложил требуемую сумму. Эта история закончилась без «вышибалова» и явила собою классический пример так называемого «спокойного рзкета».

«Спокойный рзкет» был скорее исключением, чем правилом, и обычно перерастал в «жестокый рзкет». Примером тому — история с директором и единственным сотрудником пивного киоска Калиниченко, успешно совмещавшим обе эти должности в одном лице.

«Обуть» Калиниченко планировали вполне мирно. Зная, что он сидит на пиве, а стало быть, «упакован» (богат), Поляк (Полевой), Клим (Климов) и Карась (Горлань) разработали шикарный план.

Пропустив у доходного киоска Калиниченко по кружечке пивка и не требуя, как призывал вывешенный в окошке плакат, долив после отстоя, Поляк, Клим и Карась показали пивному королю золотое колечко и попросили помочь им сдать его. Калиниченко, польщенный тем, что его скромное заведение с вечной нехваткой кружек посетили ребята Матроса, согласился.

Колечко он сдал в тот же день, а назавтра его вновь навестили бандиты. Калиниченко отдал вырученные деньги, Карась, пересчитав их, тридцать рублей вернул со словами: «За услуги». Честно и красиво...

* Фамилии некоторых жертв амурцев изменены. — В. В.

** «Покашлять» (амурск.) — выложить долг.

Еще через пару дней Поляк и Клим пришли к киоску без Караса.

— Замели Караса, — скорбно сообщил киоскеру Поляк. — Посадили в садок за кражу колечка.

— Того самого, что ты сдавал, — пояснил Клим.

— Стало быть, ты соучастник, — с еще большей скорбью добавил Поляк.

— В ментовке за это по головке не погладят, — вновь разъяснил Клим. — Узнают — и...

— Прощай, мой кормилец, ларек мой пивно-о-ой!!! — хорошо отретпированным дуэтом пропели бандиты.

Слаженно оборвав пение, они успокоили перепуганного торговца: в ментовке, дескать, у них есть связи, и взятка в полторы «штуки» вызовет попавшего на милицейский крючок Караса и спасет его — Калиниченко — от неминуемого ареста. Амурцы умело сыграли на гулявших по городу и отнюдь не беспочвенных слухах о продажности некоторой части днепропетровской милиции.

Директор киоска, прикинув, что названную сумму он найдет из пивного крана менее чем за месяц, деньги дал. Бандиты — в том числе и «пойманный» Карась, который в целях конспирации два дня не выходил из дома, — поделили их между собой.

Страдания Калиниченко на этом не кончились. Узнав, с какой легкостью он выложил полторы тысячи, Матрос рассудил, что с пивного человека можно «получить от вольного куша»*.

Тщательно продумав все детали, Матрос послал к киоску двух ребят. На сей раз они не пили пива. «Закрывай лавочку!» — приказали они Калиниченко, а когда тот отказался, без лишних слов вытащили его из-за прилавка и, погрузив в «Жигули», отвезли в тихое место за городом. Здесь парни достали ножи и, угрожая отрезать Калиниченко оба уха, потребовали три тысячи.

— Ребята, что за «беспредел»***? — взвыл Калиниченко тонким голосом. — Я требую: везите меня к Матросу, он знает, что я недавно Караса из ментовки вызволил...

— Ты нам надоел, — сказали бандиты. — Общение с тобой утомляет еще до того, как начнется... Так и быть, отвезем тебя к Матросу.

Дальновидный Матрос, в то время еще только примерявший на себя фальшивую мантию третейского судьи, предполагал такой поворот дела. И когда во двор его особняка втащили помятого Калиниченко, он велел ребятам отпустить его и сказал так: «Иди домой. Я с ребятами сам разберусь. За это через два дня отдам тебе «штуку» — так что не забывай как следует разбавлять пиво»...

Через два дня, в разгар пивного рабочего времени, Матрос собственной персоной на собственной «Волге» подъехал к киоску. Оставшись в машине, он выслал вперед одного из амурцев.

— Р-разойдись, товарищи непросыхающие! — рявкнул бандит на клиентов, самозабвенно посасывавших водянистое пиво «Ячменный волос».

С этими словами он выхватил из кармана молоток и принялся колотить по прилавку.

Брызнули осколки пивных кружек. — Плати, гад, а то всю лавочку разнесу!..

(Продолжение следует).

* «Получить от вольного куша» (амурск.) — получить, сколько захочешь.

** «Беспредел» (амурск.) — действия, выходящие за всякие — даже бандитские — рамки, примерно то же, что и произвол.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Опрокинув очередную рюмку, Шапа вскочил со стула и, выхватив из-под пиджака обрез охотничьего ружья, направил его на музыкантов. Ему хотелось слегка покуражиться.

«Ах...» — музыка оборвалась на ползвуче. Завизжали женщины.

— Играть! Играть!!! А то всем будет аллес! — хрипло выкрикнул Шапа и прицелился в пианиста.

«Ребята с Амуре...», — шепотком прошепстало по залу. Музыканты взяли на изготовку инструменты. Пианист, справедливо рассудивший, что Шапа может и не знать священной заповеди ковбойских салунов «В пианиста не стрелять, он старается изо всех сил», непослушными деревянными пальцами ударил по клавишам. «Ах, Одесса...»

— Танцуй! — рявкнул Шапа одной из своих спутниц и вытолкнул ее к эстраде. — Все танцуйте!!!

Подчиняясь его приказу, танцоры марионеточно задержались под дулом обрезка.

И тут грянул выстрел — Шапа случайно надавил на курок... Пуля вонзилась в пол у самой эстрады. Оркестранты, побросав инструменты, бросились врассыпную. Танцоры последовали их примеру. Шапа заржал — это он просто шутил...

* «Лох» (амурск.) — богатый жулик,делец.

Через несколько лет те же угодливые бармены, доведенные до отчаяния «жестоким рзкетом», будут бросаться на бандитов с ножами и топорами. Мы расскажем об этом в пятой главе. Но пока до тех кровавых событий было еще далеко...

Поначалу ребята Матроса стеснялись брать деньги за так. Как нищие в некоторых западных странах, которым закон запрещает просто просить подаяние, вынуждая создавать видимость работы: рисовать на асфальте, продавать спички и т. д., — амурцы придумывают несколько «сравнительно честных» способов отъема денег.

Самым «популярным» из них была игра в карты — в «очко» или, по-амурски, в «треньку». На бандитском жаргоне это называлось «найти зафаршированного лоха и обкатать его», то есть «найти денежного барыгу и обыграть его в карты».

Но со временем амурские ребята уразумели, что лучше всего зарабатывать деньги побоями. Чего-чего, а комплекса кулачной неполноценности они не испытывали и всегда были готовы злоупотребить своим телосложением.

Появляются у ребят Матроса излюбленные места. Гулять они предпочитают в «Юбиле» — ресторане «Юбилейный», а «работать», то есть обыгрывать

САЙФИЛЛО СУБХАНОВ

Каждое утро, едва сверкнет в окне беспощадный луч ташкентского солнца, Сайфилло Субханов прикидывает программу предстоящего дня. Значит, так: сперва навести порядок в непростом коллективе трех наследников. Во-вторых, закончить иллюстрации к книге. В-третьих, начать работу над пейзажем, пускай даже индустриальным. Отобрать графические листы для республиканской художественной выставки — это в-четвертых. Ну, а в-пятых — успеть нарисовать карикатуру для журнала «Муштум».

Но тут следует заметить, что из своих 45 лет Сайфилло вот уж двадцать печатается в «Муштуме». И работу карикатуриста считает самой серьезной и важной из всех своих влечений и увлечений. Поэтому на самом-то деле рабочий день складывается иначе: во-первых, надо сделать карикатуру для «Муштума», а во-вторых, успеть все остальное.

Хорманг, Сайфилло! Счастливого пути!

— Разрешите доложить, калым доставлен!

— Почему вчера не приходили? У меня уже завал.

— Они еще не знают, что фанфар и банкета не будет!

Не каждому по зубам

О чем речь? О расфасовке продовольственных товаров. Введем в проблему. Итак: рядовой продмаг, нудная очередь, нечаянный недочет, отчаянный обсчет... Знакомая картина. А можно ли по-другому? Оказывается, можно, если торговать заранее расфасованными продуктами, в упаковке. И не будет ни очередей, ни недочета, ни обсчета. Ни колоссальных потерь самих продуктов.

Избитая тема! Об этом были крокодильские фельетоны (см. № 1 — «Это вредное нетто...», № 20 — «Расфасовка продолжается»). Об этом же — июльское решение КПК при ЦК КПСС, называвшее такую цифру: из всех продаваемых продуктов лишь 39 процентов — фасованные... В чем же дело?

Торговля кивает на пищевую промышленность. Пищевая промышленность — на разработчиков и изготовителей автоматов для упаковки. Разработчики и изготовители — на порядки, мешающие внедрению новой техники... А как на самом деле?

Судя по данным Минлегпищемаша, положение не столь уж и мрачное: сам министр

пишет в научно-популярном журнале: «Это государственная система, которая полностью обзавелась от нововведений, окружив себя инструкциями и ГОСТами. За каждой их строкой — десятки согласований, утверждений, сотни бумаг за подписями и печатями. Они никому не нужны, но без них — не моги»... Другой специалист, кандидат наук, завлаб минэнергоинститута «Оргэнергострой» Р. Тиллес, вдоволь натерпевшийся от бумаг, назвал автору ту же цифру — 70 процентов рабочего времени тратит ведущий конструктор только на оформление и согласование бумаг: «И самое удивительное в том, что все

Григорий КРОШИН,
специальный корреспондент
Крокодила

ПРОБИВНЫЕ КАНДИ

Л. Б. Васильев, открывая выставку «Индродторгмаш», заверил, что уже в этой пятилетке производство расфасовочно-упаковочного оборудования увеличится в шесть раз!

Судя по стендам выставки, они, эти автоматы, есть уже и сейчас — и для расфасовки ливерной колбасы, и для творога, и для крупы... Разрабатывают конструкции этих машин в лаборатории упаковочных автоматов Каунасского политехнического института, которой заведует Рудгальвис Бенедикт Вацлович. Кандидат наук. Доцент. Изобретатель.

...Мы встретились. Завлаб подробно вводит спецкору в курс своей специфической деятельности: с жаром ученого-исследователя рассказывает о... нет, не о самих автоматах, а о «пробивании» новинок сквозь крепостные валы инстанций, о хитроумных инструкциях, связывающих изобретателей по рукам и ногам, об изнурительном беге по министерским коридорам и т. д. и т. п.

В результате я усвоил: подобная кипучая пробивательская деятельность, конечно, совсем не по зубам не только техникам, но даже весьма дипломированным мээнэсам и прочим рядовым специалистам. Она по силам лишь как минимум «остепененным» старшим научным сотрудникам, многоопытным завлабам, высококлассным конструкторам, квалифицированным инженерам — командирам производства. Лишь эти асы научно-технического прогресса в состоянии переубедить всезнающие инстанции, не позволить запросто вытолкать себя из кабинета, а если надо — и разжалобить суровое вышестоящее лицо. Тут все средства хороши, лишь бы «пробить» важную визу на важной бумаге, без чего не заполнить следующий руководящий автограф, а потом еще, еще, еще...

Рудгальвис прикинул, что для выпуска новой машины надо подготовить и согласовать более пятидесяти документов. Да еще в каждой инстанции побывать по нескольку раз...

— Ну, смотрите. Технические условия на любую машину нам, разработчикам, должна утвердить приемочная комиссия, в которой представлены все организации. В том числе, к примеру, и профсоюзы. Тем не менее уже после приемки мы снова должны высылать всю техническую документацию для согласования в... ВЦСПС! А это еще не менее месяца! Какой же смысл? Ведь в приемочном акте уже есть подпись профсоюзного представителя...

В лаборатории подсчитали, что на все согласования и «пробивания» квалифицированные (и высокооплачиваемые) научные работники тратят до 60—70 процентов рабочего дня!

— Да разве у нас одних такое?! Это же —

это — в строгом соответствии с ГОСТами! Значит, уже сами ГОСТы стимулируют рост бумажной продукции, а отнюдь не сокращение сроков внедрения новых разработок в жизнь.

Вот факт из опыта лаборатории Рудгальвиса. Сотрудники подготовили так называемую карту технического уровня, согласно ГОСТу, на листе определенного формата. А когда все уже было сделано, оказалось, что, пока эту карту готовили, изменился ГОСТ: отныне требовалось выполнять карту на бумаге другого формата. Причем содержание по всем пунктам осталось прежним. Тем не менее карту пришлось переделывать...

А как, интересно, чувствуют себя изготовители? Те, кто по чертежам каунасцев и собственного СКБ выпускает автоматы?

Генеральный директор Капсуцкого объединения продовольственных автоматов И. Шякявичюс и начальник СКБ В. Мицкявичюс с гордостью показывают спецкору свои изделия, часть из которых я уже видел на выставке «Индродторгмаш». Пришла на память картинка с выставки.

...За легкой выставочной оградой на небольшом возвышении — сверкающие изящные агрегаты для упаковки пищевых продуктов в полиэтиленовую пленку. Вот на транспортер кладут аппетитные кусочки сырого мяса — будущего шашлыка или гуляша, лента торжественно перемещает их внутри агрегата, в который откуда-то сбоку сползает с рулона пленка, и через несколько секунд на приемную панель ложится аккуратный пакетик в блестящей упаковке, да еще с броской этикеткой. Оживление у стенда:

— Скажите, а какова производительность этого финского (или, может, японского) автомата? — любопытствуют специалисты у стендиста.

— Это литовский автомат.

— Что вы говорите? Надо же! Могут, значит, когда хотят. А вон тот, рядом, итальянский, кажется?

— Тоже литовский, Капсуцкого объединения, могу включить...

...И тут, в самом цехе объединения, вижу наяву эти сверкающие автоматы. Правда, менее сверкающие, чем на выставке, но все же вот они, и потрогать можно, и запустить в работу. Но

Система...

Да, читатель, к сожалению, система. Так считают хлебнувшие ее специалисты. Известный изобретатель, доктор наук, замдиректора Новосибирского института горного дела А. Костылев

почему же наши покупатели не видят на прилавках продукты, упакованные этими чудными автоматами?

Хозяева печально переглядываются, потом мы идем в директорский кабинет. В углу, на отдельно стоящем столе, замечаю гору бумаги. «Секретарша, видимо, не успела прибрать до приезда гостя», — подумал я и ошибся. Оказывается, наоборот, специально вывалили гору к появлению крокодила. Чтоб наглядней было.

— Вот эта куча бумаги, — показывает директор, — документация, которую мы обязаны согласовать и утвердить, чтобы иметь право запустить машину в серию. Видите, целый стол занимает. А ведь это только на один автомат! И все это — СВЕРХ технологической документации, которая действительно необходима для изготовления машины...

— Получили мы срочное задание, — вставляет начальник СКБ, — выпустить автомат для резки полуфабрикатов — шашлыков, азу. И выпустили. Но если собственноручно изготовление новой машины заняло два месяца, то только на одну регистрацию машины в системе Госстандарта ушло у нас пять месяцев!..

Проясним читателю ситуацию: пока новая

ДАТЫ

машина не зарегистрирована в Госстандарте, на нее Госкомцен не утверждает цену. А раз цены нет, значит, нельзя и продать...

Почему же такое происходит? Специалисты единодушны: потому что...

...Всем на это наплевать!

И в лаборатории Рудгальвиса, и в мин-энергоском институте, и в Капсулском объединении убеждены: происходит вся эта бумажная волокита потому, что на технические новшества нет заинтересованного, реального заказчика. А есть мифический — министерство или госкомитет. А точнее, разные их отделы и сотрудники, которые ЭКОНОМИЧЕСКИ, то есть своим кровным рублем, НЕ ЗАИНТЕРЕСОВАНЫ ни в каких новых машинах. Им от этих новшеств ни тепло, ни холодно. А раз каждый отдельно взятый чиновник не заинтересован, следовательно, брать на себя ответственность ему нет никакого резона. Значит, надо БОЛЬШЕ ПОДПИСЕЙ на документе, чтоб МЕНЬШЕ затем отвечать...

Истинный заказчик, считает Шашкавичюс, — это тот, кто будет непосредственно машину эксплуатировать, то есть работать на ней. В нашем случае пищевое предприятие: мясокombинат, молокозавод и т. д. С ними-то — и только с ними — и надо изготовителю согласовать параметры будущей машины.

Упомянутый новосибирский замдиректора Костылев убежден: «Должно быть всего ДВЕ организации, ответственные за внедрение нового, — заказчик (например, объединение) и подрядчик (разработчик, изготовитель). И никакой бюрократии!»

И тогда сам собой иссякнет поток бумаг, сводящий на нет все благие порывы создателей техники. А пока что...

Неделями не заставь на рабочем месте иного завлаба. Не поймать в лаборатории старшего научного сотрудника. Забыли уж, как выглядит на фоне кульмана ведущий конструктор. Не до того им! В служебной отлучке они, а если прощ — в толкаческих вояжах, в согласовательских визитах. «Пробивают» бюрократическую стену...

Впрочем, хотелось закончить это сочинение на оптимистической ноте. Звоню Рудгальвису:

— Помнится, в прошлогоднем ноябре вы начали оформлять бумаги на автомат по упаковке сухофруктов. Сейчас, спустя почти год, конечно, «пробили» эти документы?

Тяжело вздохнул на другом конце провода завлаб, кандидат и доцент, изобретатель и главная «пробивная сила»:

— Как раз только что звонил в техуправление Минлепищемаша. Все еще рассматривают... Ну ничего, будем пробивать.

Оптимистической концовки не получилось.

Литовская ССР — Москва.

— Что касается подготовки к зиме, тут главное — обо всем информировать население.

Рисунок Л. СТОРОЖУКА, г. Харьков.

Уж больно смелый народ подобрался в нашем тресте. Отчаянный. Резкий. Для него что управляющий трестом Альфред Титыч, что курьер Анна Ниловна — одинаково. Кто что заслужил — прямо в глаза. Без всяких там смягчений и поглаживания. Прямо! Резко! В лоб!

Вот на днях собрал Альфред Титыч весь руководящий состав треста на планерку. И говорит:

— Прошу без всяких скидок на должности, без учета субординации — выкладывать правду-матку. Если мой заместитель в чем виноват — выдавайте заму. Если главный инженер — и ему. И далее — по нисходящей. Мож-

этот столько намолчал нашему шефу, что мы даже смущались. Сначала он долго и пространно молчал о том, что управляющий постоянно использует спецмашину-автокран для поездок на дачу. Потом акцентированно промолчал про незаконное указание шефа о выделении транспорта в распоряжение своего приятеля — директора соседнего магазина «Мясо — рыба». И еще о многом мог бы промолчать наш начальник транспортной конторы, но он взял себя в руки и сел, опасаясь, что своим выразительным и грозным молчанием может довести нашего шефа до сердечного приступа.

Очень нам понравилось многозначительное и непри-

Виталий АЛЁНИН

Рассказ

ОТЧАЯННЫЕ МЫ ЛЮДИ...

но, кстати, и мне — если, конечно, есть основания... Сейчас так принято.

Ну, думаем, если так, сейчас мы тебе все выложим. Сейчас мы тебя так приложим — долго в себя не придешь.

Сидим, молчим и ждем: кто первый? И Альфред Титыч молчит и ждет. И смотрит на нас, недобро прищурясь. Как тигр перед прыжком на газель... Ничего, думаем, мы тебя все равно перемолчим. Сейчас не те времена. Мы тебе все, что у нас накопилось, вымолчим.

И действительно, не выдержал Альфред Титыч нашего жестокого молчания. Заговорил.

— Что же, — говорит, — вы примолкли? Мне, — говорит, — интересно выявить ваш критический настрой в отношении руководителя треста. Давайте для начала послушаем главного бухгалтера...

Встает бухгалтер. Решительно так встает. Встает — и молчит. Но молчит не просто так, как раньше, до того, как нас призвали к широкой гласности. Он молчит резко критически. Он неловко молчит про то, как Альфред Титыч выдавал квартальные премии не тем, кто работает лучше, а тем, кто помирнее, послушнее. Потом он резко промолчал про незаконное расходование Альфредом Титычем целевых средств не по назначению.

Вот так — прямо и резко промолчал он про все это и решительно сел, удовлетворенный своей смелостью.

Потом встал начальник транспортной конторы. Ну,

мирное молчание нашего главного технолога. Потом выразительно и долго молчал председатель профкома. При этом он своим назидательным молчанием дал понять, что, если понадобится, он помолчит не только здесь, но и кое-где повыше.

Одним словом, хорошо прошла планерка. Активно. Давно мы не слышали такого единодушного и обличительного молчания. Пожалуй, не осталось ни одного человека, не промолчавшего про те безобразия, которые творились у нас в тресте. Причем молчали не абы как, а значительно, фундаментально, предметно.

Поэтому после столь выразительного нашего молчания несколько неожиданно прозвучали слова управляющего трестом Альфреда Титыча, который закончил планерку так:

— Ну, что ж, товарищи, судя по вашему молчанию, дела в нашем тресте идут неплохо. Значит, так и будем держать. Благодарю за активность. Все свободны!

Вот человек! Уж, казалось бы, сколько мы всего намолчали, а с него — как с гуся вода. Ни грамма самокритичности. А сам призывал нас к демократии и гласности. Ну и что ж, что в нашем тресте гласность тихая, молчаливая, про себя. Может же и гласность выражаться путем резко критического молчания. Кстати, у этого метода есть свои преимущества: с одной стороны — резко критикуешь, с другой — совсем не страшно. И ночью спишь совершенно спокойно. Как младенец...

Ювенал шел в баню.

Кривые и тесные улочки Рима вели его от Марсова поля к Аппиевой дороге — там, неподалеку, были построены термы, куда Ювенал привык ходить. Ему нужно было пройти по шумной Субуре, миновать Римский Форум и там свернуть к термам.

Стоял солнечный древнеримский денек. Солнце пекло нещадно. Ювенал был в развевающейся на ходу тоге, в новых сандалиях, украшенных модной пряжкой из меди. На плече на длинном плетеном ремне висела кожаная сумка, а в сумке — смена белья, два апельсина и собственная книга. Книга была главным богатством сумки.

Давний знакомый Ювенала, хозяин терм, в трудные времена не бравший с него плату, обещал посредничество в продаже книги. В баню, сказал хозяин, наладился ходить богатый римлянин из культурных негодяев, он собирает книги, переписанные самими авторами, и старые рукописи.

— Если ты перепишешь красиво свои сатиры и сошьешь их, если хватит у тебя терпения переплести страницы в телячью кожу, я помогу тебе продать книгу, — сказал хозяин терм. — Настоящие ценители дают за такие книги настоящую цену.

Исполнив все, как просил банный приятель, Ювенал теперь думал о своем законном заработке. Сколько он должен запросить с щедрого мецената? Много запросишь — отпугнешь, мало — решит, что плохо написано. Ювенал знал, что сочинения его, в особенности написанные в последние годы, отменно хороши. Это было не раз проверено на публике. Стихи извергали из глоток громовое «ха-ха-ха».

Ювенала в Риме читали, книги его мало-помалу раскупались, друзья зазывали его в харчевни, кормили и поили, лишь бы он читал им свои сатиры.

Ювенал жил без семьи, снимал комнату в северной части города, за Марсовым полем. Комната была на втором этаже старого дома — два окна да еще темная кладовка, где хранились припасы. Хозяин дома брал с квартирантов плату вперед за несколько месяцев, боясь, что жильцы в один прекрасный день съедут, не расплатившись. При той скромной жизни, которую вел Ювенал, ему дорог был каждый сестерций.

— Сколько же запросить? Гм...

Пришло время обновлять письменные принадлежности, нужно было подкупить теплой одежды — осень не за горами. Припомнилась давнишняя мечта — купить новый войлочный матрац на кровать. Ювенал усмехнулся: еще неделю назад у него не было этих потребностей, он с ранних лет привык довольствоваться малым, а тут замаячил гонорар, и сразу — купить то и это! Когда мало денег и гонорара не предвидится, спят крепким сном обузданные безденежьем потребности...

Мимо по тесной улице сновали прохожие. Слуги несли на носилках жирного патриция с обвислыми щеками. Ювенал посторонился и, когда носилки поравнялись с ним, отметил про себя, что плывут по улице «большие деньги», имеющие способность увеличиваться в своей сумме без особых к тому усилий и потных трудов.

Глаза толстяка, его обвислые щеки навели Ювенала на мысль о быстротечности жизни, явилась и строчка стихотворения, которую еще нужно будет отточить. Дома он записывал удачные строки, а в городе на ходу привык запоминать — складывал наблюдения в свой «сундучок». В этом хранилище

Дошедшие до нас биографические сведения о жизни выдающегося сатирика античности крайне скудны и разноречивы. Очерк основан на одной из версий его жизненного пути. Стихи даны в переводе Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского.

рядом с готовыми стихами можно найти тьму заготовок: реплики людей, описания их поступков, страстей, жестов, детали одежды — все шло в дело.

Все, что ни делают люди, — желания, страх, наслажденья, Радости, гнев и раздор — все это начинка для книжки.

Он вспомнил сейчас недавно читанные слова Сенеки — как точно философ описал римскую толпу! Верно: большая часть этой толпы — люди со всего света. Одних привело в Рим честолюбие, других — важные государственные дела, третьих — возложенная на них дипломатическая миссия, четвертых — роскошь, которая ищет для себя удобного места, изобилующего пороками, пятых — тяга к образованию, шестых — зрелища, столь популярные в народе, седьмых привела в Рим дружба, восьмых — коммерция, для которой требуется широкое поле деятельности. Одни принесли сюда свою продажную красоту, другие — продажное красноречие. Все люди стекаются в этот город, где хорошо оплачиваются и добродетели, и пороки.

Между нами священной всего — величие денег. Правда, еще роковая Деньга обитает не в храме, Мы не воздвигли еще алтарей, и монетам не создан Культ...

— мысленно записал Ювенал и тут же добавил:

Как Верности, Миру, как Доблести или Победе...

Ювеналу были по сердцу эти гражданские добродетели, на них предки основали здание Римской республики, которая создавалась благодаря исключительным качествам своих лучших граждан: мужеству, свободолюбию, дисциплинированности, высокому понятию о гражданском долге, воздержанности, уважению к законам. На алтарь отечества римлянин без оглядки клал свою судьбу и жизнь.

Таков был идеал Ювенала в его очищенном от временных наслоений виде. Без идеала поэт не мог писать. Уничтожающий смех должен покоиться на прочном фундаменте непреходящих ценностей. Если, конечно, это сатира, а не смех ради смеха. Чем дальше отодвигалась в историю Римская республика, чем явственнее проступали черты монархии, тем мельче становились римлянин. Развращающая роскошь императорского двора превращала государственных деятелей в дельяг, забывались такие понятия, как долг и честь. Великаны становились карликами, не раз говорил Ювенал.

Как-то, сидя в харчевне возле бычьего рынка, он записал:

Разве можно назвать родовитым того, кто не стоит Рода и только с собой несет знаменитое имя? Правда, и карлика мы иногда называем Атлантом, А у ленивых собак, с плешинами, вовсе паршивых, Лижущих край фонаря, в котором нет уже масла, Кличка бывает и «Барс», и «Тигр», и «Лев»...

...Ювенал мог бы пройти по центру Рима с закрытыми глазами. Впереди возвышались холмы — Большой и Малый Целий, там виднелись виллы богатых граждан. И дорожки на холмах были знакомы. Все здесь исхожено в молодые годы, когда Ювенал был клиентом — человеком в услужении патрона. Утром клиент спешит сказать патрону «Доброе утро!», днем

бегает по городу, выполняя поручения его супруги, вечером обязан слушать скучнейшие поучения патрона. Такова жизнь клиента. Насмешник Марциал даже сочинил эпиграмму по этому поводу:

Ты теперь, Ювенал, снуешь, быть может, Взад-вперед по Субуре голосистой, Или пятки истер о Холм Дианы, Или носит тебя по всем прихожим Потогонная тога, словно парус, Мучит Целий ходьбой Большой и Малый...

Ювенал теперь шел по знаменитой Субуре. Мало изменилась она с того дня, когда Ювенал впервые прошел по ней мальчишкой. Все так же сводничает Субура, все так же торгует, препирается, предсказывает события и делает еще много других дел. Вон знакомая харчевня. Внизу едят, наверху предаются блуду: на втором этаже — лупанар с занавесками. Дальше — лавка менялы Луция, через дом от нее обосновался толкователь снов, пророк уличного значения...

Заслышав крики, Ювенал задержался у разболтанных дверей кабака. Что случилось? Он хотел заглянуть внутрь, но отпрянул. Прямо на него вылетели из кабака два пьяных горожанина. Ювенал не успел их хорошо рассмотреть — толпа погонщики мулов, то ли бедствующие актеры. Колотят друг друга кулаками и изрыгая проклятия, они отбежали в сторону. Еще два часа назад они, верно, были неразлучными приятелями, встретившимися, чтобы обсудить новости, но фалернское вино распалило их... Ювеналу был знаком этот кабак. Лет пять назад здесь собирались актеры, декламаторы и адвокаты, читали вслух рукописные биографии императоров, рассказывали забавные случаи. Хозяин харчевни умер, сын продал заведение, а новый кабатчик порядочных людей отвадил, теперь сюда ходит всякая рвань...

Ювенал свернул на площадь.

Возле фонтана с питьевой водой толпились римляне. В разноцветных одеяниях, с мраморно-белыми лицами, с оливоковой и черной кожей. Давно уже их кувшины были полны, но женщины не расходились, о чем-то судачили, слышался смех. Ювенал хмуро прошел мимо...

Год или чуть больше назад он написал обличительную сатиру, занимавшую теперь целую книгу. Он обличал... женщин. Смех его жег дам из высшего общества. И всегда, читая эти стихи, он вызывал одобрительные выкрики публики, осуждавшей вместе с ним нравы императорского дворца на Палатинском холме.

Ну, так взгляни же на равных богам, послушай, что бормочет С Клавдием: как заснет, жена его, предпочитая Ложу во дворце Палатина простую подстилку, хватая Пару ночных с капюшоном плащей, и с одной лишь служанкой...

Блудная эта Августа бежала от спящего мужа; Черные волосы скрыв под парик белокурый, стремилась В теплый она лупанар, увешанный ветхим лохмотьем. Лезла в каморку пустую свою — и голая, с грудью В золоте, всем отдавалась под именем ложным Лициск. Лоно свое, благородный Британник, она открывала, Ласки дарила входящим и плату за это просила...

Доставалось от Ювенала и незнатным римлянкам, жена купцов и мастеровых: «Спальня замужней жены всегда-то полна перебранок, ссор: на постели ее заснуть хорошо не удастся».

Мальчик, красивший стену дома, попросил Ювенала подержать лестницу, пока он вскарабкается наверх.

— Смелый, малыш! — сказал Ювенал, упираясь рукой и коленом в перекладчины. — Да не расплескай сосуд с краской...

Римские мальчишки были милы ему, они напоминали его собственное детство, которое прошло в Аквинуме, в краю волсков. Отец, небогатый землевладелец, смог послать его в Рим в школу, где преподавали умелые учителя: «...наставник оформит рукой еще мягкий характер, лепит из воска лицо, как скульптор; пусть своей школе будет отцом, чтоб питомцы его не шалили...»

Внучившись, Ювенал стал подумывать о литературе, но для серьезных занятий нужны были деньги, а их он смог заработать гораздо позже, когда оставил свои клиентские обязанности и начал выступать с декламациями на торжественных обедах. Чужие стихи он читал артистически, особенно Горация, которого любил и называл «венузийской лампадой» — Гораций был родом из Ветузии.

Обратившись к сатирическим стихам, Ювенал задался целью — написать сильнее других поэтов, хотя точно знал: посильнее напишешь, подольше поголодаешь. И он откладывал сестерции на тот день, когда ему нужно будет засесть за самые язвительные стихи, на которые, может быть, он никогда не найдет покупателя-мецената...

Через несколько лет Ювенал уже ощущал себя гордым трибуном, извлекателем хохота. Богатым без меры, чье богатство — стихи! Да, он накопил их, строчка к строчке, как скряга складывающий в мешок каждый грош. Ювенал машинально пощупал книгу в сумке: жаль продавать.

— Эй! — крикнул Ювенал разносчику холодной воды.

Попивая маленькими глотками воду, он думал сейчас о том, как много времени ушло у него на занятия, далекие от литературы. Напрасно прожитые годы? Пожалуй, нет. Жизнь мяла его, но и учила, обостряла зрение. Ювенал стал загигать пальцы, припоминая императоров, которых он пережил...

Родился он в годы правления властелина-преступника Нерона. Еще мальчиком слышал жуткие рассказы взрослых, чудом избежавших узилища. Всякого думающего человека подстерегала Неронова тюрьма.

Когда Ювенал пошел в школу, страну начали сотрясать междоусобицы: враждовали армии, расположенные в провинциях, легионы провозглашали своих командующих императорами. Императоры сменяли друг друга, народ не успевал привыкнуть к их именам:

— Император Гальба! Аве, Гальба! Аве, Вителлий! Аве, Отон!

В стране установилось спокойствие, когда императором стал Веспасиан из рода Флавиев. Его признали все армии, провинции и утвердил сенат. После Веспасиана правили Тит и Домициан, его сыновья...

Ювенал начал писать сатиры в самое неподходящее для сатиры время. У кормила власти стоял «лысый Нерон» — Домициан. О свободах снова забыли. Доносчиков развелось, как при Сулле. За любую из ныне обнародованных сатир Домициановы псы могли растерзать его: император не терпел и малейших выпадов против своей особы. Гермогена Тарсийского за некоторые намеки в его «Истории» он убил, а перелисчиков книги велел распять. Придумал изощренные пытки для подследственных: им отрубали руку, прижигали срамные органы... По подложным обвинениям были умерщвлены или отправлены в изгнание известные в Риме сенаторы. Своего двоюродного брата Флавия Собина Домициан казнил за то, что глашатай по ошибке объявил его не консулом, а императором. И друзей своих казнил, а перед казнью любезно беседовал и был к ним милостив...

При всем при том Домициан старался создать образ просвещенного правителя, хотя ничего не читал и речи для него писали другие. Он принимал обличье покровителя литературы, организовывал пышные состязания ораторов и поэтов. На этих фестивалях наград удостоивались раблепствующие сочинители, старавшиеся погромче крикнуть о храбрости и доблести Домициана. «Блюдолизы в лауреатах!» — с горечью говорил Ювенал. — Триумф бездарности».

Так прошло пятнадцать лет, державших в животном страхе всех мыслящих людей. Ювенал с горечью писал:

**Наполовину задушенный мир терзался последним
Флавием. Рим пресмыкался пред лысоголовым
Нероном...**

А каких деятелей привел к власти Домициан! Ювенал не жалел для них эпитетов: «подлый», «гнусный», «льстивец жестокий», «злое чудовище», «выдающийся изверг». В 4-й сатире эти сановники являются на дворцовый совет. Какими же государственными делами они займутся? Домициан созвал их для того, чтобы решить, как приготовить... огромную камбалу, которую рыбак вытащил из невода. Народ думает, что в совете заседают государственные мужи, говорит своей сатирой Ювенал, а на самом деле они решают кулинарные вопросы:

**«Что же, как думаешь ты? Разрезать ее? Было бы, право,
Это позором,— Монтан говорит.— Пусть глубокое блюдо
Сделают, чтобы вместить в его стенки такую громаду...»**

Теперь все эти вельможи стали политическими трупами, им с Ювеналом не расправиться. После убийства Домициана, заколотого в спальные собственными слугами, прошло три года. Наступили новые времена, у власти «спокойный правитель» Траян, и можно работать без страха. Конечно, друзья могут упрекнуть его: что ж, ты, Ювенал, не осмелился раньше обнародовать эту сатиру — при Домициане? Да, тогда он боялся, ибо знал, чем это грозит, а ему нужно было еще много важного рассказать римлянам. Он хотел понять недавнее прошлое страны. Почему император становится человеком, ненавидимым народом? Почему князят по произволу?.. Нужно трезво оценить день вчерашний, думать Ювенал, чтобы знать, как жить в завтрашнем...

Так, размышляя о стихах и долге поэта, Ювенал дошел до Аппиевой дороги. Некоторое время постоял, любуясь медленностью каравана, плывущего на юг, потом зашагал к термам.

Хозяин его ждал. Здороваясь, спросил:

— Пришел с книгой?

— Вот она, — сказал Ювенал, — здесь вся моя жизнь. Цены я не знаю. Запрошу много — обижу мецената, мало запрошу — себя обижу. Деньги мне нужны. Как ты знаешь, у меня нет дохода от коммерции, недвижимостью не владею. А я задумал написать новую книгу...

— Напишешь! Я сейчас же пошлю слугу к меценату. Он знатный и добрый господин.

В новой книге Ювеналу хотелось противопоставить Риму, утонувшему в роскоши, простоту сельских нравов, крестьянский труд, первозданность природы, честность и открытость людей. Ему казалось, что именно в деревенской жизни он найдет живые черты столь любимой им старины.

Ювенал испросил у хозяина разрешения поработать после

мытья в библиотеке, ему нужно было еще раз просмотреть книги, написанные придворными поэтами Домициана.

— Библиотека в твоём распоряжении... Ступай в парную, Умбриций потрет тебе спину, скажи, что я велел.

Термы возле Аппиевой дороги отличались богатством внутренней отделки: мрамор, серебряные краны, кроме бассейнов с горячей и холодной водой, были тут и зал для потения, и гимнастический зал. В термах можно было и плотно поесть, ведь римлянин часто проводил здесь целый день. Но более всего Ювенала влекла сюда библиотека, в которой хозяин собрал множество старинных книг и свитков.

В парной к Ювеналу подошел искусный массажист Умбриций, парень из крестьянского рода. Он улыбался.

— Аве, Ювенал! Идущие на Смех приветствуют тебя!

— Здравствуй, Умбриций! Хозяин наказал тебе разобрать меня по косточкам.

— Сделаю, Ювенал.

— Послушай, дружище, ты не будешь возражать, если я вставлю тебя в свою книгу? Уж больно нравятся мне твои красивые сильные руки.

— Почту за великую честь. — Умбриций наклонил голову. — Я жду тебя, Ювенал, приходи к массажной скамье.

Все сложилось в этот день хорошо. Ювенал получил свой гонорар за книгу. Слуга, относивший знатному господину сатиры в самодельном переплете, принес увесистый мешочек с деньгами. Среди сестерциев были и серебряные монеты старой чеканки.

— Поздравляю тебя, Ювенал! Теперь ты сможешь некоторое время писать, не думая о заработке, — сказал хозяин терм. — Жаль, что я не держу в подвале вина, мы бы сейчас отметили с тобой коммерцию.

— Да, вечером фалернское в самый раз. А вот этот серебряный сестерций передай Умбрицию...

Через несколько недель Ювенал уехал из Рима на юг, к своему другу, которому позже даст в книге имя Умбриция. Года два назад тот покинул разноликий грохочущий Рим: «Я огорчен, — писал Ювенал в книге, — отъездом старинного друга, но одобряю решение его — поселиться в пустынных Кумах».

И вот деревня... Ночь. В небе серп луны. Ювенал прогуливается по саду. Он вспоминает суматоху столицы, огромный, нескончаемый Вечный город, который он любит и ненавидит и без которого, наверное, не сможет жить.

Здесь, в сельской тиши, ему хорошо работается, он сочинил много новых сатирических строк. Если б ведал он, какая причудливая судьба уготована им...

После смерти его сатиры будут почти забыты, но в средние века и особенно в эпоху Ренессанса начнется вечная жизнь Ювенала. Школьники станут заучивать наизусть моральные сентенции из его сатир, проповедники — цитировать, обличая греховность мира. Ювенал гневался, бичевал, философствовал, искал кратчайшие пути к истине. Он был одним из первых реалистов-изобличителей, вознамерившихся исправить человеческую натуру с помощью сатирической поэзии.

Строки Ювенала обрели крылья, его изречения хранятся теперь в словаре латинских пословиц...

Вот сейчас он покинет сад, неслышно войдет в дом, зажжет свечечки, и, присев за узкий, похожий на скамью стол, напишет знаменитые слова:

**Этот народ уж давно, с той поры, как свои голоса мы
Не продаем, все заботы забыл, и Рим, что когда-то
Все раздавал: легионы, и власть, и ликторов связки,
Сдержан теперь и о двух лишь вещах беспокойно
мечтает:**

«Хлеба и зрелищ!».

Михаил АНДРАША.

В СВОЕЙ РАКОВИНЕ

Рисунок В. МОХОВА.

Рисунок И. НОРИНСКОГО.

**— На приличную повесть
надергал!**

Рисунок В. КАНЕВСКОГО.

ГОМЕОПАТИЯ АНТИ

ЗВОНОК

В «Крокодиле» зазвонил телефон.

Говорили из Комитета молодежных организаций СССР и просили принять делегацию бельгийских художников. Делегация, предупредили нас, не простая, а молодая. Целый год готовилась поездка, участники которой сразу стали называть себя «транссибиряками». Официальное название — «Поезд Брюссель — Москва — Пекин». Так и хотелось дописать «поезд дружбы». Ан нет, путешествие в некотором роде деловое. И не просто туристы собрались в десяти купейных вагонах, любезно предоставленных советским МПС.

Стать «транссибиряком» было непросто. Для этого молодые валлоны и фламандцы прошли через многотуровое сито конкурса проектов, которые оправдали бы участие его автора в хождении за 11 651 километр. Критерии для проектов? Чтобы было интересно, познавательно, свежо. Темы? Самые разнообразные — экономические, экологические, культурные и т. д.

В конце концов после конкурсного прохождения осталось 300 авторов (из 3112) и 57 проектов (из 750). Причем наряду с суперсерьезными (типа «Биотехнология и биоиндустрия в Валлонии») были и достаточно экзотические. «Раздавайся! Это — бельгийское!» (мода); «Бельгийская пивная в Пекине» (пиво), «Дегустация бельгийского шоколада и пралине».

Мы даже, каемся, чуточку пожалели, что к нам придут не дегустаторы шоколада и пралине, а авторы проекта «Ежедневный иллюстрированный отчет о путешествии, оформленный в виде комикса».

Ну что же, коллег-гостей нам принимать не впервой. Не смутил нас и тот факт, что прибыли художники перенимать опыт «Крокодила» по части «банд дессине» (рисованных лент), что в переводе на чисто русский язык означает комиксы. А наш журнал хоть и не чурается этого весьма современного и трудного жанра, но до того, чтобы быть законодателем мод в комиксах, дело пока не дошло. Ответ тем не менее был односложный: «Ждем!»

ВИЗИТ

В назначенный день встреча состоялась. Не смутило нас и то, что бельгийская делегация прибыла на три часа раньше назначенного срока. Если бы позже, было б и вовсе понятно — как-никак брюссельское время родней московского. А тут прибыла тютелька в тютельку, но по сибирскому. Видно, готовилась пересекать Сибирь.

Правда, обещанная делегация из двадцати художников предстала в виде весьма молодого человека в свитере с надписью «Брюссель» на груди и «Пекин» — на спине.

Ну и бог с ним. Мал золотник, да... Не числом, а... Одним словом, «Бонжур!»

Делегация оказалась Халидом Амезяном, уже не школьником, но еще не студентом (в этом году пойдет учиться на первый курс Брюссельской академии изящных искусств).

Но с первых же его вопросов возникло недоумение: Халид куда меньше интересовался комиксами, чем нашими национальными проблемами.

— Как же так? — поражался «транссибиряк». — У нас в Бельгии всего две лингвистические группы — франкофоны и фламандцы, и то они постоянно грызутся. А в СССР свободно разместятся 750 Бельгий, наций свыше ста, языков и того больше, и никто ни с кем не враждует?! Значит, у вас нет никаких свобод!

— Ну, что вы, — пытались мы его убедить. — И свободы есть. И проблемы есть. Быть может, даже более острые, чем мы привыкли думать. А вот грызни нет. Мы ее ликвидировали 70 лет назад.

Но Халид не убеждался. Более того, ссылаясь на незнание русского языка, он вдруг стал требовать подтверждений, что «Крокодил» осмеливается критиковать членов правительства. Смотрел наши карикатуры, неодобрительно слушал перевод подписей и бормотал: «Этого же не может быть!»

— Может, может, — терпеливо разъясняли мы ему. — Вы, наверное, слышали: у нас перестройка, гласность, демократизация.

— Нет, не слышал, — честно, как и все студенты мира перед экзаменатором, сознался будущий художник.

Наконец на наш вопрос, как ему понравилась столица, он ответил:

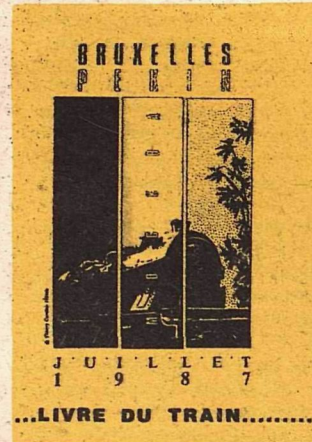
1) Что удивился, какие у нас несовременные марки легковушек;

2) Что поразились, как немодно одеты москвичи и москвички;

3) Что наиболее врезался ему в память эпизод на Красной площади, когда милиционер подошел к легшему плашмя на асфальт фотолюбителю-интуристу и твердо сказал ему «НИЕТ!»

Кстати, только этот эпизод решил занести в свой «Иллюстрированный отчет» мсье Амезян. Даже наброском похвастался: громадный бюстистель порядка со звездой на фуражке давит сапожиком щуплого фотолюбителя...

Спустя некоторое время было взаимно произнесено традиционное «Оревуар!». Гостю была подарена антология «Крокодила», гостем — небольшого размера книжка «Поезд Брюссель — Москва — Пекин».

БУКЛЕТ

Этот желтый буклет был роздан всем участникам, чтобы в пути как-то убить время и прибыть в Москву солидно нафаршированными полезными сведениями, советами и прочей информацией.

Прочли мы его, и кое-что прояснилось. Поняли мы наконец, почему симпатичный Халид убыл из Брюсселя, не зная о нас, по сути дела, ничего, а прибыл в Москву с изрядным зарядом антипатии к стране, которую увидал впервые.

Нет-нет, в книге нет даже намека на то, что по улицам и площадям Москвы привольно, как в вольере, разгуливают медведи. Отсутствует и указание, что все поголовно иностранцы в России «под колпаком» и при первой же попытке туриста войти в контакт с аборигеном приставленный агент стреляет. Причем без промаха.

Нет, в этой тоненькой брошюре все тоньше. В первых строках выражается сердечное мерси нашему послу в Бельгии, КМО, «Спутнику», а также еще сотне лиц и организаций. Дальше — о том, как здорово, что они, транссибиряки, все вместе собрались. Как это приятно — ехать по Бельгии... И все такое прочее.

Наконец, автор доходит и до Москвы. И здесь под видом откровений и предостережений пичкает путешественников разными сведениями. Иной раз автору не откажешь в наблюдательности. Вот, например, какими скупыми, но точными штрихами он описывает наши устаревшие формы торговли: «Если хотите на себе попробовать, что такое советская очередь, советуем заглянуть в ГУМ: одна очередь стоит, чтобы выбрать товар; другая — чтобы его оплатить, третья — чтобы получить уже выбранный

АЛЕКСЕЙ ПЬАНОВ

ДЖИМ БОРЕН: СМЕЯТЬСЯ, А НЕ РУГАТЬСЯ

Нынешней весной в качестве первых ласточек в США побывала делегация советских сатириков. О нашей поездке за океан мы рассказали читателям в крокодильских репортажах (№№ 17, 18). Одним из главных героев повествования не случайно стал известный в Америке сатирик и публицист доктор Джеймс Х. Борен, или попросту Джим, прозванный нами Джим Пять Минут. Однако об этом человеке можно рассказывать долго, не рискуя повториться.

Он — один из тех американцев, которые искренне хотят, чтобы наши страны и народы жили в мире и дружбе, ходили (ездили, летали, плавали) друг к другу в гости, устраивали совместные юмористические баталии, обменивались улыбками и другой располагающей к общению мимикой. И что самое главное, Джим не только искренне этого хочет, но и многое для этого делает.

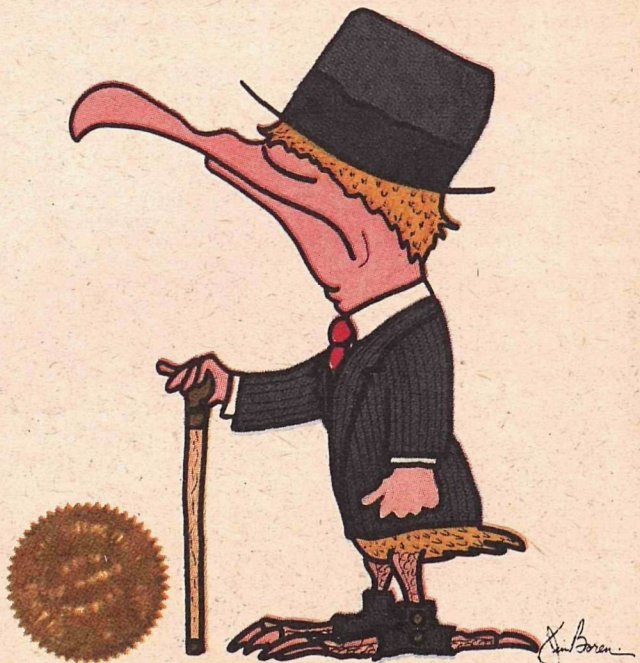
Разные истории случались с ним за те две недели, что мы провели вместе, носясь как угорелые по обширным пространствам Нового Света. Этих историй с лихвой хватило бы на всех нас. Но они достались в основном Джиму. И вполне справедливо. Он заслужил эти истории. Возможно, мы еще поведаем их вам...

Вы уже знаете, что Борен — президент Международной ассоциации профессиональных бюрократов. Вероятно, многие подумали, что это шутка. Ничего подобного. Ассоциация вполне реальная, со своим офисом в столице США. Вот ее адрес: Вашингтон, Национальный пресс-клуб. Д. С. 20045. Есть и телефон. Не указываю его только потому, что звонить туда — довольно дорогое мероприятие. А написать можно. Ответ гарантирован: шеф-контроль — человек пунктуальный.

Борен — автор многих сатирических афоризмов. Один из них — «Если тебе нечего сказать — бормочи» — стал его девизом. Джим с гордостью поведал нам, что этим правилом часто руководствуются Рейган и люди из его администрации.

Знаменитый девиз начертан на фирменном значке ассоциации и на «карандаше Борена». На первый взгляд карандаш как карандаш. Летая с нами по Америке, Джим дарил этот простейший прибор для письма стюардессам и репортерам, официантам и полицейским, президентам университетов и случайным прохожим. Реакция у всех была одинаковой: сначала удивление (с чего это солидный господин дарит копеечный карандаш?), потом вежливое «Спасибо, сэр» и, наконец, хохот и восклицания, которые приблизительно соответствуют нашему «Во дает!». Дело в том, что карандашом Борена нельзя писать, ибо на обоих его концах — ластик. Так что стирай себе на здоровье написанное другими в духе истинного бюрократа.

Какова же цель ассоциации? Борьба с бюрократией, мешающей человеческому общению, нормальной жизни людей. Парадокс? Если и да, то вполне в традициях нашего жанра, которому верно служат доктор Джеймс Х. Борен, его друзья и коллеги. И борьба эта не такая уж и простая, ибо зарубежный бюрократ не менее живуч и ловок, чем наш, отечественный, а то и половчее при его американской-то деловитости. И тут, я думаю, опыт Джима и ассоциации вполне годится для того, чтобы его

позаимствовать, ибо борьба с бюрократами и бюрократизмом — одна из главных задач в процессе перестройки.

На многочисленных симпозиумах, дискуссиях, пресс-конференциях мы убедились, что Джим — блестящий полемист. Ему никогда не приходилось бормотать, чего не скажешь о его соперниках. В арсенале Борена — сатирика и юмориста — не только острое, меткое слово. Как-то во время короткой передышки за столиком старой «Городской таверны» в Филадельфии Борен набросал на листках

ПАТИИ

и оплаченный товар. Для иностранцев отдельного входа нет. Однако из вежливости советские покупатели пропускают туристов без очереди».

Трудно обвинить в предвзятости автора (а им является сам координатор-администратор «Поезда» Ксавье Хоорнерт) за то, что он пишет: «Температура в Москве: климат летом очень жаркий — от 30 до 40° С». Кто же ожидал, что в Москве именно этим летом будет 14—16°?

Но вот писать о площади Революции, что с нее можно попасть «ко всемирно известному КГБ» (а не к Политехническому музею, что симптоматично)... Или сказать о перестройке: «Если в ресторане официант вас плохо обслуживает, вы его можете... разнести в пух и прах, призывая к перестройке». Чувствуете тяжкий дух привычных стереотипов?

А страничку нашей истории из желтой брошюры позволим себе привести полностью и в дословном переводе.

URSS : Repères historiques - XXème siècle.

1905	: Première Révolution russe à Saint-Petersbourg.
27.2/12.3.1917	: Révolution à Saint-Petersbourg (Petrograd).
2.3.1917	: Abdication du Tsar Nicolas II - gouvernement provisoire.
11.7.1917	: Kerensky, Premier Ministre.
1918-1919	: Guerre civile.
1921	: Nouvelle politique économique (N.E.P.).
1922	: Fondation de l'URSS.
21.1.1924	: Mort de Lénine - Staline lui succède.
1927	: Exclusion du Parti Communiste de Zinoviev et de Trotsky (exilé en 1929 et assassiné à Mexico en 1940).
1928	: Collectivisation des terres.
23.8.39	: Pacte germano-soviétique.
1940-45	: Deuxième guerre mondiale (20 millions de morts soviétiques).
5.3.1953	: Mort de Staline - Remplacé par Boulganine (1er Ministre), Nikita Krouchtchev (Secrétaire général PCUS) et Vorochilov (Chef de l'Etat).
1956	: XXème Congrès du PCUS : rapport Krouchtchev sur Staline.
1964	: Krouchtchev remplacé par Kossyguine (1er Ministre) Leonid Brejnev (Secrétaire général) et Podgorny (Chef de l'Etat).
26.5.72	: Signature des accords Salt 1 (limitation des armes stratégiques) avec les Etats-Unis (Salt 2 est signé en 1979).
24.12.79	: Intervention soviétique en Afghanistan.
11.11.82	: Mort de Brejnev remplacé par Youri Andropov.
10.02.84	: Mort de Andropov remplacé par Constantin Tchernenko.
10.03.85	: Mort de Tchernenko remplacé par Mikhaïl Gorbatchev.
2.7.85	: Andreï Gromyko devient Chef de l'Etat.
27.9.85	: Nicolai Rykov devient Premier Ministre.

18

СССР: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ — XX ВЕК

1905	Первая русская революция в Санкт-Петербурге.
27.2/12.3.1917	Революция в Санкт-Петербурге (Петрограде).
2.3.1917	Отречение царя Николая II — Временное правительство.
11.7.1917	Керенский, премьер-министр.
1918—1919	Гражданская война.
1921	Новая экономическая политика (НЭП).
1922	Создание СССР.
21.1.1924	Смерть Ленина — его замещает Сталин.
1927	Исключение из Коммунистической партии Зиновьева и Троцкого (высылка в 1929 г. и убийство в Мексике в 1940 г.).
1938	Коллективизация земель.
23.8.39	Германо-советский пакт.
1940—45	Вторая мировая война (20 миллионов погибших советских).
5.3.53	Смерть Сталина — заменен Булганиным (1-й министр), Никитой Хрущевым (Генеральный секретарь КПСС) и Ворошиловым (глава государства).
1956	XX съезд КПСС: доклад Хрущева о Сталине.
1964	Хрущев заменен Косыгиным (1-й министр), Леонидом Брежневым (Генеральный секретарь) и Подгорным (глава государства).
26.5.72	Подписание Договора ОСВ-1 (ограничение стратегических вооружений) с Соединенными Штатами (ОСВ-2 был подписан в 1979 г.).
24.12.79	Советское вторжение в Афганистан.
11.11.82	Смерть Брежнева — заменен Юрием Андроповым.
10.2.84	Смерть Андропова — заменен Константином Черненко.
10.03.85	Смерть Черненко — заменен Михаилом Горбачевым.
2.7.85	Андрей Громыко становится главой государства.
27.9.85	Николай Рыков становится Премьер-Министром.

Не будем цепляться за «мелочи»: ошибка в фамилии нашего премьера, перевернутые даты войн. Но не правда ли, возникает впечатление, что вся история России — СССР XX века — это правительственная чехарда вперемежку с войнами и интервенциями? Более того, у нас до сих пор правит временное правительство, ибо Октябрьская революция опущена, как незначительный эпизод, и Керенский не бежал из Зимнего в дамском платье на авто антантского посла. Нет ни победы над фашистской Германией, ни полета Гагарина, ничего, что несло бы положительный заряд, располагало к стране, в которую ты едешь.

Но помилуйте! Вы же к нам с доброй волей, с дружбой, со смешными, серьезными и пр. проектами, да и всего-то на несколько суток! Зачем же, спрашивается, писать в конце главы о Советском Союзе: «Наконец, не будем забывать, что мы отправляемся к другим народам, живущим другой культурой и говорящим на других языках. Будем избегать провокаций. Представим себе подобные сцены с советским поездом в Бельгии»? Так кто же кого провоцирует?

РЕЗЮМЕ

Мы за поездку дружбы. Мы были рады и этому — транзитному.

Мы за профессиональные контакты.

Мы не придираемся к каждой мелочи и не требуем, чтобы нас рисовали этакой идиллической страной с молочными реками и кисельными берегами. Мы сегодня трезво и требовательно оцениваем себя.

Но историю свою мы знаем не хуже составителей путеводителя и готовы рассказать о ней честно, гласно, не замалчивая детали, не упуская главного. Однако диалог должен быть честным с обеих сторон. Иначе он не имеет смысла.

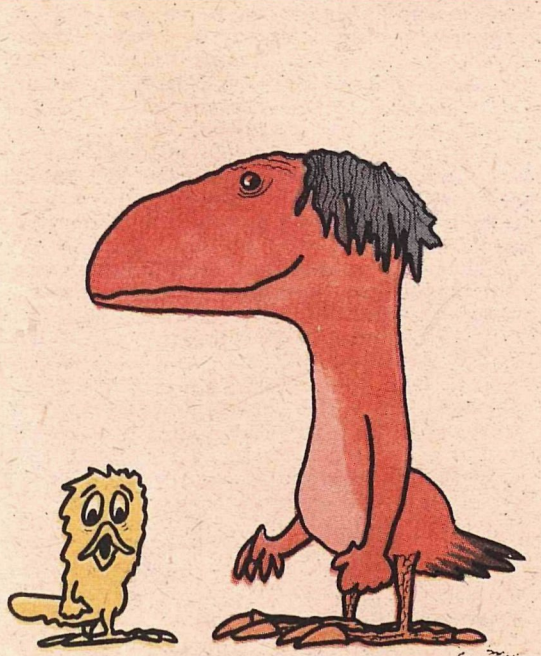
Говорят, древний понтийский царь Митридат так боялся быть отравленным, что на завтрак наряду со спелой смоквой потреблял каплю яда: надеялся, что выработанного за долгие годы противостояния должно хватить для обезвреживания целого кубка крысиного яда, если ему его поднесут завистники-соперники.

Ну, а чего бояться пассажирам поезда «Брюссель — Москва — Пекин»? Зачем им гомеопатические дозы антипатии к нам?

Ответ, увы, напрашивается один. Вероятно, затем, чтобы таким, как Халид Амесян, не дай бог, не понравилось в Москве. Чтобы увозили они из Советского Союза наброски милиционеров, попирающих туристов.

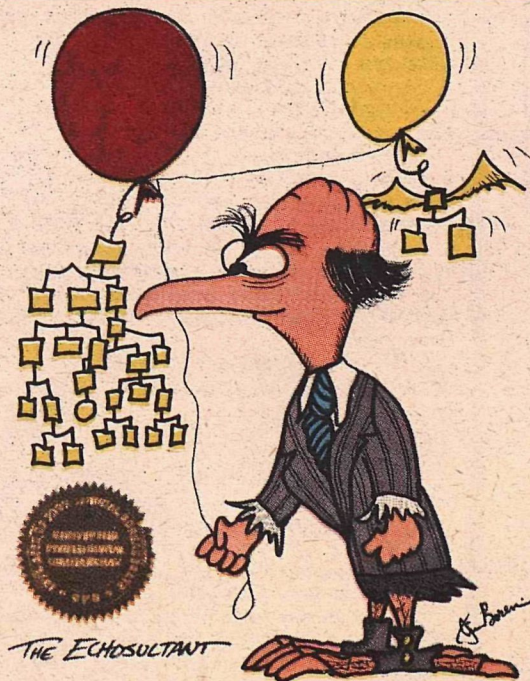
А давайте попробуем в следующий раз без ярлыков. Или, как говорят в Бельгии, «А — BAS LES STEREOTYPES!».

Рубен БЕКНАЗАР-ЮЗБАШЕВ.

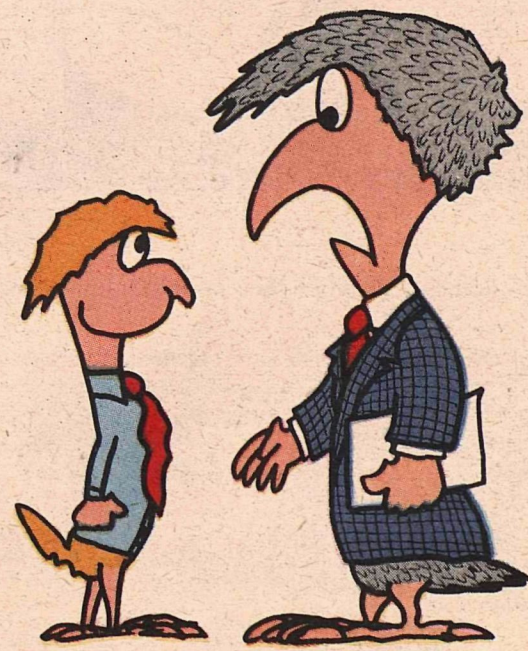
блокнота удивительных птичелюдей. Быстро, ловко, одним штрихом. Нам они очень понравились, и я попросил Джима дать эти рисунки для «Крокодила». Потом, уже в Вашингтоне, в доме Боренов, рассматривая подаренную им книгу, я обнаружил на ее страницах целое семейство этих фантастических существ. «Кто это?» — спросил я у автора. «А ты разве не узнал? — улыбнулся он. — Это профессиональные бюрократы».

Прощаясь, Джим подарил мне целый пакет своих

рисунков. С некоторыми из них мы сегодня знакомим читателей журнала.

Я уже говорил, что у Борена много афоризмов. С одним из них мы не расставались во время нашей поездки по США: «Лучше смеяться, чем ругаться». Думаю, что он будет определять и ответный визит американских сатириков в СССР летом будущего года. Напи коллеги к нему весьма серьезно готовятся, судя по письму Борена, недавно пришедшему в «Крокодил». Среди прочего Джим

сообщает, что они усиленно изучают русский язык. В подтверждение этого он подписал письмо по-русски:

Jim K. Ambly Minkum

Вашингтон — Москва.

НЕПРИКАСАЕМЫЕ

Он, как и полагается подарку судьбы, упал на руки вдовы с неба. На нем была темно-синяя форма пилота гражданской авиации, и он действительно был авиатором. Брюнет. Прическа волосок к волоску. Несколько старомоден, так как на свидания прибывал с обязательным букетом цветов. Подарил вдове щенка ньюфаундленда. Классически изъяснился в чувствах, изящно припав на колено, левую руку к сердцу, правая устремлена к вдове:

— Я буду счастлив, если время от времени смогу любоваться вами, когда вы позволите!

Вдова, поколебавшись, позволила собой любоваться круглосуточно.

Вскоре Виктор сказал, что вить гнездо в Ленинграде ему не светит, климат мокроват. Вить гнездо надо в Сочи и жить только там. Двухкомнатное жилище в Ленинграде можно с блеском поменять на однокомнатное в Сочи. К тому же там у Виктора мама.

Вскоре Ольга Эверт сменила фамилию на Буханову, перебралась в однокомнатную сочинскую квартиру, прописала Виктора и предалась красивой жизни. Виктор, правда, вскоре вышел на пенсию — уйти на отдых в 34 года ему позволял налет часов, — но на шикарную жизнь вполне хватало средств жены. Были проданы: ее финский мебельный гарнитур, японская музыкальная техника, автомобиль «Жигули», второй автомобиль, который Ольге подарили мать с бабушкой... И все со стороны было блестяще в жизни молодоженов, как вдруг пенсионер выгнал жену из квартиры, завалил дверь гантелями, гириями, подпер изнутри брусками так, что в жилье не попасть, через балкон перебрался к соседям, вышел через их двери и пропал.

— Ты, бедолага, езжай-ка в Дагомыс, — сказали Ольге добрые люди, — и найди там Люду Алиеву, прежнюю жену твоего благоверного. Авось приютит, войдет в положение, покуда с тобой все прояснится.

Так Ольга нашла Люду. Конечно, приютила бывшая жена настоящую, за чашкой чая поплакала Ольга о своей доле.

— Кобыльков-то дарил Буханов? — спросила Люда.

— Откуда вы знаете?

— Мне тоже дарил, щеночков овчарки, — улыбнулась Люда. — Витек имел виды на мою квартиру, ах, как ухаживал, да вот промашка вышла. Жилье-то было отца. Впрочем, что Вита за фрукт, узнаешь из этой книжки. Это записки Буханова, случайно нашла, сохранила...

Четвертая официальная жена (первая погибла, выпала из окна, вторая Люда Алиева, третья Марина В.) углубилась в чтение.

Если в настоящем тексте привести все записки Буханова, которые он для памяти заносил в книжку, то летный состав гражданской авиации будет поголовно дискредитирован. Ибо в нашем понимании — уж так мы воспитаны кино, литературой художественной и документальной! — летчик — это носитель высокой морали, образец мужчины, рыцаря! Поощрим ГВФ, приведем лишь одну запись:

«Подарки? В разумных пределах все требует определенных расходов. Важно, чтобы затраты потом окупались...»

— Господи! — прошептала Ольга. — Это кому же я попаласть?!

— Аферист наш Витек высшей пробы, — сказала Люда. — Он и меня почистил, и Марину было обжулил, но три тысячи ему пришлось все ж вернуть. Но уж на тебе он отыгрался!

— Я в суд пойду! — разрыдалась Ольга. — Я найду на него управу!

Но когда она обратилась в суд Центрального района Сочи, ее там ошарашили. Она, оказываясь, уже не жена Виктору Буханову, она уже разведена на основании заявлений, поданных ею и Виктором. Развод чрезвычайно оперативно оформил судья А. Некрасов.

Экспертиза установила, что заявление от имени Ольги вульгарно подделано. Развод — куда деваться? — был признан недействительным.

Дверь квартиры, заваленной и запертой Бухановым, взломали, и Ольга въехала в жилище.

А где-то через полгода в Сочи вернулся Буханов. Не один. Привез с собой двадцатилетнюю диву. Перегородив квартиру шкафом, он вселился в солнечную половину. Жилье превратилось в содом.

— Товарищи! — говорил автор юристам в городе Сочи. — Все за то, что Буханов вступил в брак с вдовой, привлеченный ее состоянием. Я бы сегодня же написал фельетон об экс-авиаторе, но Ольга подала иск о признании брака недействительным, дело Бухановых в суде. В подобных случаях журналисту полагается ждать до тех пор, пока ситуация не будет рассмотрена в законном порядке. Ускорьте дело!

— Думаете, он брачный аферист? Что ж, — соглашались юристы, — очень может быть. Но это надо доказать! Вопрос сложный.

И минул год! Казалось, вполне достаточный срок, чтобы суду Центрального района Сочи определиться в своих оценках, но суд все никак не может состояться, забуксовало районное правосудие.

Виктор, несмотря на многочисленные повестки, в суд зачастую не являлся. Судье Бутяеву тут бы власть употребить, но стушевался молодой судья перед Бухановым, точнее, перед его мамой, Галиной Павловной Бухановой.

До недавнего времени она работала заведующей детсадиком «Ласточка». Вроде невелика фигура, но если в городе аховое положение с детскими садами, если ты имеешь ребенка, а оставить его не с кем; если заведующая знает поименно и лично массу ответственных работников, то с такой заведующей многие начинают искать дружбу. Галина Павловна умела использовать неофициальные контакты с руководством. К примеру, Виктора надо было пристроить на чистенькую и престижную работу. И работник горкома партии С. Демченко одним звонком внедряет Витюшу в... исполком. Правда, Буханова скоро попросили — работник он оказался никакой.

Невероятно, но факт — зона влияния крошечного человека оказалась такой, что только диву даешься! Виктору Буханову, к примеру, нужно такси. Стоит ему позвонить, сказать, чей он сын, такси ему поставляется безо всяких очередей.

— Отчего такие привилегии Буханову? — спрашиваю в отделе заказов таксопарка Сочи.

— О, вы не знаете его маму! Потом неприятностей не оберешься! Вся в связях! Пожалуй-ста, не называйте моей фамилии.

Говорю с другим человеком.

— Да, я видел Марину (третья жена Буханова. — Ю. К.), когда она выпрыгнула со второго этажа от Виктора, вся в крови. Я вам ничего не говорил. Хорошо? Это с удивительными связями люди.

Еще факт: Галина Павловна выходит замуж за гр. Островского. Но в своем двухэтажном доме не прописывает. Островской находит одинокую

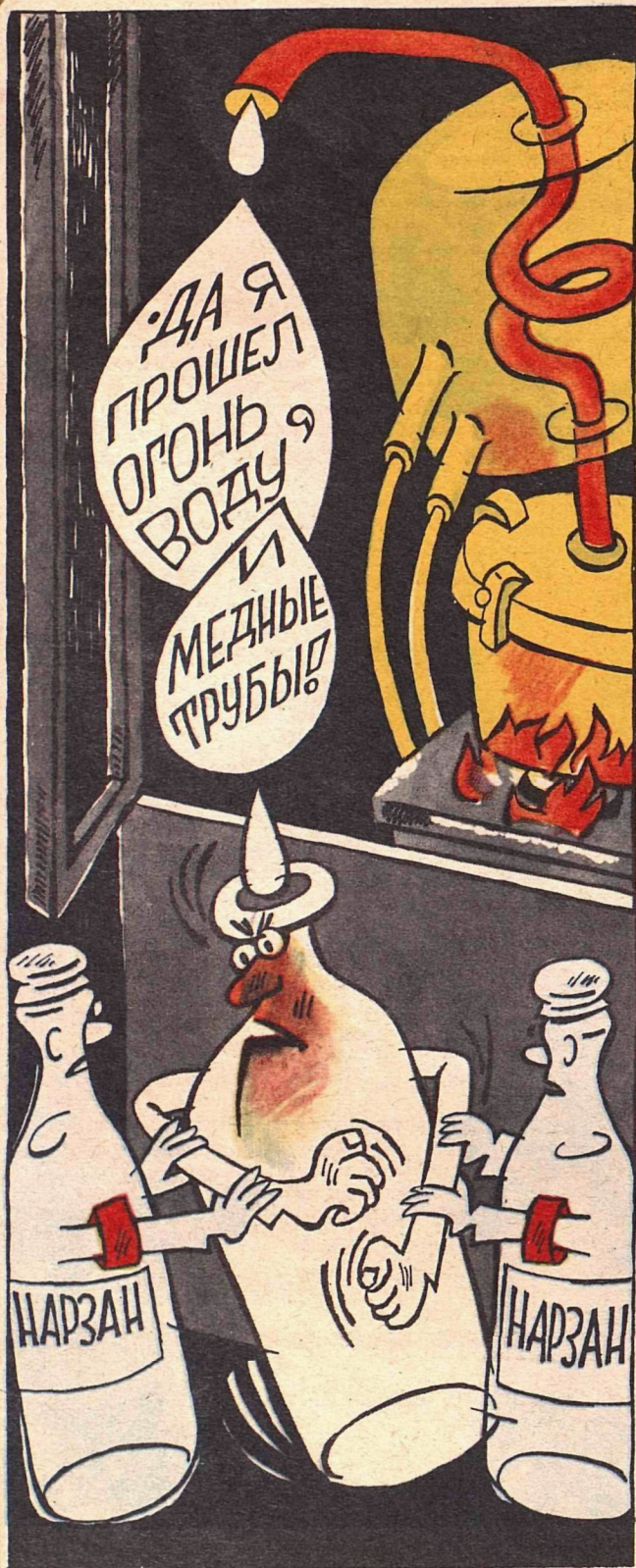

Рисунок И. НОРИНСКОГО.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Прошу выделить мне 10 м кабеля на воспитательную работу с подрастающим поколением. Кабель нужен четырехжильный, экранированный и желательно как можно более крепкий».

(Из заявления).
Прислал А. Петров, г. Ленинград.

«Внимание! В среду с 13.00 до 15.00 работает музыкальный кружок на английском языке «Учись говорить на немецком»».

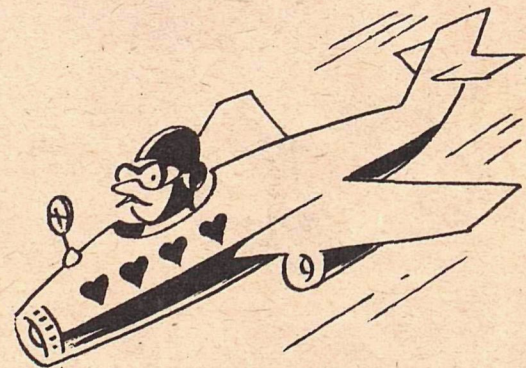
(Объявление).
Прислала Л. Дивина, Н. Константинова, Тюменская область.

«Спасение на водах — служба, которая не занимается спасением тех, кто уже под водой».

(Из выступления).
Прислал М. Сиваченко, г. Москва.

«У Макара Нагульнова был орлиный взгляд, брови — вразлет и длинный хищный нос, прошедший всю гражданскую войну и воспылавший жгучей классовой ненавистью к своим угнетателям».

(Из сочинений на вступительных экзаменах в вуз).
Прислал Ю. Шпрыгов, г. Магадан.

старушку Плетневу с двухкомнатной квартирой, спешно расторгает брак с Бухановой и уже через четыре дня прописывается на площади бабуся в качестве опекуна. Вскоре бабуся обращается в суд с иском о выселении Островского, но суд рассмотреть иск не успел — бабушка померла. Тут Галина Павловна пишет заявление в исполком с просьбой разрешить ей продать дом, так как она вдруг уезжает из Сочи. Дом продается. Островской с Бухановой мчатся в загс. Регистрируются. И въезжают в квартиру Плетневой на правах хозяев.

Афера? Да, чистой воды! Исполком Центрального райсовета обратился в суд с иском о выселении Островского и Бухановой из авантюрно занятой квартиры.

И что же? Когда я был в Сочи, дело аферистов бродило по юридическим инстанциям уже ТРИ С ЛИШНИМ ГОДА!

Так куда ж против Бухановых одинокой женщине! Тут Советская власть, и та тушует!

А на тех, кто посочувствовал Ольге, на ее мать, хотя она и в Ленинграде, на бывших жен Буханова, на некоторых сочинцев, на автора этих строк, на свидетелей того, как обращался Буханов со своей женой, — на всех, кто был на стороне Эверт-Бухановой, в различнейшие инстанции поступили гноеточивые письма.

«На вашем заводе, — к примеру, читали в парткоме завода слоистых пластинок Ленинграда, — работает лаборантом Фабишевская Л. П. (Мать Ольги. — Ю. К.). Она не достойна звания члена партии и члена парткома завода. Это не тот человек, за которого она себя выдает».

— Но Фабишевская не член партии! Что за ахиня! — поразился партком.

Затем в Выборгский районный суд Ленинграда от Буханова пришла жалоба, в которой он просит привлечь мать Ольги к уголовной ответственности за оскорбление якобы чести и якобы его достоинства. Мол, Фабишевская распространяет измышления о том, что он, Буханов, в прошлом летчик и коммунист в настоящем, изымается над ее дочерью.

И что же? Пошла больная пожилая женщина в суд, прихватив копии тридцати с лишком благодарностей из трудовой книжки. Судить ее, конечно, не судили, так, нервы помотали. Но этот случай дает Бухановым возможность кричать на каждом перекрестке, что Ольга — генетическая лгуня, ведь только что ее мать привлекали к ответственности за клевету!

И на автора этих строк поступили занимательные письма, штук десять, от Бухановых и их окружения. Оказывается, автор... впрочем, не автор, а пират, проникнув через черный ход к тете Буханова, довел тетю до гипертонического криза, выдавая себя притом за главного редактора «Крокодила».

Дичь, бред, невероятные измышления — все было привлечено неприкасаемой семейкой, чтобы очернить людей, которые были на стороне Ольги.

А суда все нет! И уже напуганная третья бывшая жена Буханова, Марина, старается с Ольгой не встречаться.

— Я боюсь за ребенка!

Время шло. На Ольгу обрушилась масса телефонных звонков. Неизвестные гундосо предупреждали: если ты, баба, не съедешь добром с квартиры, то будут тебе, баба, кранты и хана.

Женщина, затравленная угрозами, мужем, кандидатшей в пятые жены Буханова Соколовой, сбегает с квартиры, снимает углы по Сочи. Она уже не ждет, она молит о помощи и защите местное правосудие, пишет письма народному судье тов. Бутяеву. «Сколько это может продолжаться? Я доведена до крайности, поймите меня правильно, дальше такое продолжаться не может. Прошу вас, разберитесь и примите должные меры».

И что? А ничего! Курортное правосудие взирало на эту историю с любопытством болельщика — чья возьмет? Буханов выживет Ольгу или Ольга не уступит Буханову?

Но всему есть предел.

9 июля Ольга забрела на Верещагинский виадук — есть такая высотная примечательность в Сочи.

Был прекрасный южный вечер.

По виадуку прогуливались отдыхающие.

И ахнул народ: молодая светловолосая женщина, мгновение постояв у бортика, вдруг перекулась через него и стремительно полетела вниз со страшной высоты.

Ольга разбилась насмерть.

Суд так и не состоялся.

г. Сочи.

ТРУСЦОЙ НА ПАРНАС II этап ЧИТАТЕЛЬСКИЙ САТИРИЧЕСКИЙ ТУРНИР

На старте нашего нового марафона (см. № 21) объявился среди прочих бегунов харьковчанин Владимир Яцына. Судейской коллегии понравилось, как он шел по дистанции, и она просто-душно обнародовала плод его творческих усилий:

Ваша цифра высока,
Наша цифра выше.
Ваша взята с потолка,
Наша взята с крыши!

Не успел номер журнала разлететься по стране, как в редакцию позвонил москвич Виктор Павлович Кривошеев и огорошил такими разоблачениями:

— Яцына вовсе не марафонец и на поэтическую дорогу даже не выходил!
— Но ведь сатирический плод налицо!

— Это плод не творчества, а плагиата! Откройте книгу «Нестор из «Крокодила», выпущенную в 1972 году к 50-летию журнала, и там на стр. 412-й найдете это стихотворение, написанное Гр. Городецким. В самом же журнале оно было напечатано в № 28 за 1966 год, а лет через 12 еще раз — за под-

писью какой-то женщины, тоже позамитовавшей его у Городецкого. Можете проверить!

Проверили — точно!

Между тем журнал прибыл к местам назначений. И... посыпались письма в Москву, на Бумажный, 14: от А. Суставова (Свердловская обл.), С. Андриясяна (Ростов-на-Дону), И. Житнюка (Киевская обл.), Р. Тимирбаева (Башкирия), Н. Красова (Воронеж), Н. Игонина (Горький), А. Матвеева (Свердловск), Н. Барабанова (Томск), К. Вандяева (Владимирская обл.), А. Матвеева (Иркутская обл.), В. Синицкого (Винницкая обл.), Ю. Долгих (Запорожье) — с теми же самыми разоблачениями. Правда, мало кто помнил, когда была опубликована лихая строфа. Но все равно судейская коллегия не только винится перед ними, но и благодарит всех поименно — за бдительность и читательскую верность журналу на протяжении многих лет.

Разумеется, антипоэт из Харькова снят с соревнований и дисквалифицирован. Равно как и С. С. Бурьгина из Северодвинска, которая выдала за

свои две миниатюры (№ 30, 1986 г.) молодого свердловского юмориста Рудольфа Шипулина — вероятно, в расчете на то, что малотиражная книжечка местного издательства не попадет на глаза судейской коллегии. Она и не попала. Но вон сколько просвещенных друзей у Крокодила! И студентка филологического факультета Уральского университета Елена Ковшер, проведя текстологическое исследование (за курсовую не сойдет?), сообщила редакции, что его результаты не в пользу Светланы Сергеевны.

Все новые и новые поэты-марафонцы выходят на старт нашего сатирического турнира, все больше и больше становится стихотворений в редакционном портфеле. И всего-то три из них оказались краденными. Микроскопическая величина. Но все же неприятная. Поэтому и решено передать гласности оба случая плагиата — в назидание всем охочим до чужого творческого добра. Помните, нечистые на перо: с помощью своих соратников-читателей судейская коллегия тысячеглаза!

Конечно, описанные факты ни в малейшей степени не бросят тень на большой сатирический праздник, каким стало на крокодильских страницах творческое состязание тысяч и тысяч читателей. Их, истинных рыцарей поэзии и сатиры, всегда ждет самый искренний и благожелательный прием.

КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ

На выставке «Товары для народа» Глядим на них с надеждой

год от года.
Когда ж наступит время в самом деле,
Чтоб покупали мы, а не глядели?

В. ИВАНЧИКОВ, г. Люберцы.

Шашлычнику я в ярости сказал:
— Ты почему сырой шашлык

подал?
Он дал ответ в одно мгновение:
— Кацо, пойми же — ускоренье!

В. ТОЛОКНОВ, рабочий ресторана «Майкоп», г. Майкоп.

Где вал — икона,
Вал — программа,
Не будет качества
Ни грамма!

В. СОТНИКОВ, начальник отдела заповедников Казглагохоты, г. Алма-Ата.

ОБЛТЕАТР СЕГОДНЯ!

Прокатились и над ним
Перестройки волны:
Раньше был полупустым,
Нынче — полуполный.

В. МОНАСТЫРНЫЙ, преподаватель госуниверситета, г. Запорожье.

КОСНОСТЬ

ОЧКОВТИРАТЕЛЬ

Он хочет, как прежде,
вещать и вещать
В расчете на некомпетентные ушки,
Что снимет с гектара

по восемь ягнят
И резко повысит удои несущих!

Г. РОГОВ, настройщик, г. Тула.

ЧИНУША

При жизни властвовал и рек.
И, чтоб худое не воскресло,
Когда усоп тот имярек,
Похоронили вместе с креслом.

Е. ДВОРЯНИКОВ, врач, г. Макеевка.

ПРИПИСЧИКАМ

И в глуши
Лжеца глуши!
От души
Его «души»!

С. КУКСОВ, пенсионер, 77 лет, Тамбовская обл.

И в книготорге
перестраиваться стали,
Отрадно новое увидеть тут:

Те книги, что в нагрузку продавали,
Теперь по лотерее продают.

И. ТАРАРИЕВ, инженер-технолог, г. Запорожье.

НЕТРУДОВЫЕ ДОХОДЫ

ИНСТРУКТАЖ

Вахтер! Бди с пользой для страны,
Но только без нахальства!
И различай, где несуеть,
А где... начальство!

В. ВАСИЛЬЕВ, инженер, г. Миасс.

— У вас на базе дефицита
недостача!

Директор нужен мне!

— Директор наш на даче.

— Зимой, в метель?! Не дача —

наказанье.

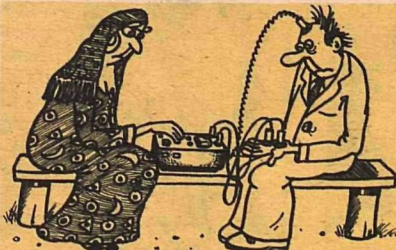
— Он — в ОБХСС, на даче

показаний!

М. ВИЛЕНСКИЙ, инженер, г. Киев.

Так прижали Волку хвост,
Что оставил важный пост:
«Пропади такая власть —
Ничего нельзя украсть!»

В. СУМНЫЙ, г. Первоуральск.

БЫТОВЫЕ УСЛУГИ

КРОКОДИЛИНКИ

Рисунок В. ЛУГОВКИНА.

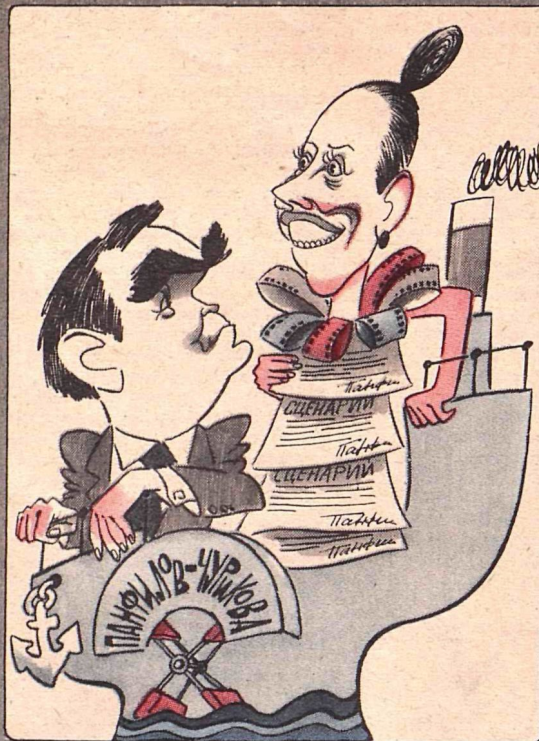

Рисунок В. ДУБОВА.

Рисунок М. ВАЛИАХМЕТОВА.

Рисунок С. ХАСАБОВА, г. Ростов-на-Дону.

Инна ЧУРИКОВА,
Глеб ПАНФИЛОВ

Вы — мастера большого класса,
Таланта вам не занимать:
Была у вас вторая «Васса»,
Какой же будет третья «Мать»?

Владимир ВОЛИН.

Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

ИЗВИНИ, МАГАДАН!

Начнем с цитат из писем читателей, хотя строки их не очень-то приятны для нас. Но мы ведь условились говорить обо всем честно и на равных.

Итак, слово читателям.

«Ай-ай-ай, «Крокодил»! Нехорошо!

В твоём № 19 за текущий год на стр. 4 помещена карикатура, суть которой, судя по подписи, можно понять так: в Магадане живут только осужденные воры и спекулянты, хапуги и вообще прочие нечестные люди.

Я не являюсь жителем г. Магадана, но в Магаданской области работаю уже давно, более 25 лет. Должен сказать, что в этом городе и области проживают в большинстве своем советские люди, которые приехали сюда осваивать этот суровый край по зову сердца, а отнюдь не под конвоем...

Так что, «Крокодил», надо быть более разборчивым в своих публикациях...

С уважением М. ВОРОБЬЕВ, бывший геолог, ныне трудящийся пенсионер».

«Уважаемый Крокодил! В № 19 за 1987 г. напечатана карикатура художника В. Дмитриюка. Смысл ясен. Очень обидела она нас, магаданцев... У нас живут прекрасные, добрые, отзывчивые люди. Осрамили наш Магадан на весь Союз. Так пусть В. Дмитриюк реабилитирует наш Магадан, наш Крокодил и себя. Очень надеюсь, что наше письмо не попало в урну.

С уважением МЕДВЕДКИН Александр Васильевич».

«Уважаемые коллеги! Недавно видел на страницах «Крокодила» карикатуру с подписью о том, что «Иван Иванович сейчас переехал в Магадан, а в его особняке нынче детский садик». Хороший рисунок и тема хорошая, только при чем тут Магадан? Если «героя» (антигероя) рисунка посадили (туда ему и дорога, как говорится), то не в самом же Магадане он будет жить-поживать, срок отбывать?

...Не надо переселять «Иванов Ивановичей» на Дальний Восток вообще и в Магадан в частности. На Дальнем Востоке живем в первую очередь мы — вполне честные люди, живем на свои честно заработанные деньги. И «Иванов Ивановичей» нам не надо.

С уважением — ваш постоянный читатель С. КАЛИНИЧЕНКО, сотрудник многотиражной газеты».

Вот такие письма. Как видите, Александр Васильевич, мы не выбросили ваше письмо в урну. У нас нет такой традиции, да и урны такой нет. Мы внимательно прочитали взволнованные послания, и краска стыда взошла на наши бледные (лето было дождливым) ланиты.

Ну что тут ответить? Только одно: прокололись, как принято говорить среди журналистов. Вроде бы на пустяке, однако же, по здравом размышлении изрядно. Инерция сработала, старые стереотипы, от которых ой как непросто избавиться.

И это нас огорчило.

А вот что порадовало. Письма от магаданцев — резкие, но спокойные, уважительные, без желания «забавить кашу». И в этом тоже признак времени. И потому еще горше было нам читать это «ай-ай-ай, «Крокодил»... и «наш Крокодил».

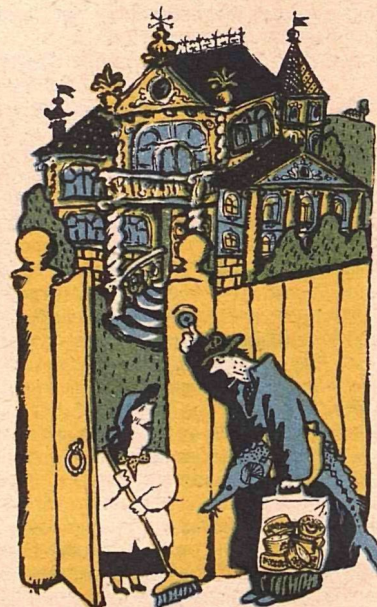
Думали мы, гадали, как «реабилитировать Магадан» и славных его жителей, на которых и не собирались бросать тень. И решили сделать так:

1. Опубликовать письма магаданцев.
2. Публично признать свой «прокол».
3. Снова опубликовать карикатуру В. Дмитриюка, но уже с подписью, которую считать единственно действительной.

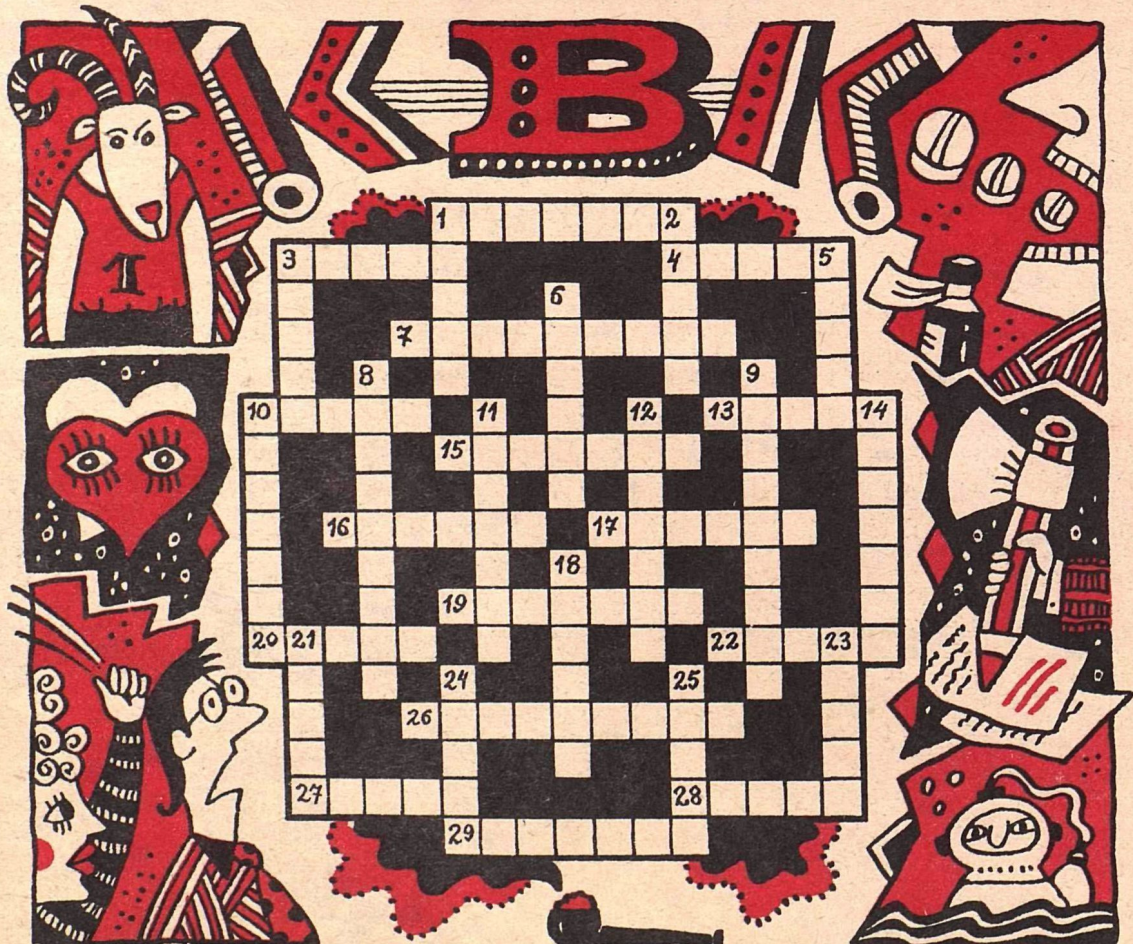
4. В ближайшем будущем полномочному представителю «Крокодила» посетить Магадан, где встретиться с нашими читателями по широкому кругу вопросов.

Согласны?

КРОКОДИЛ.

— Иван Иванович теперь живут совсем в другом месте, а тут детский садик...

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Праздничный разгул круговой поруки. 3. Лаборатория Архимеда. 4. Место, где колхозники базарят. 7. Человек, который все время сидит на лекарствах. 10. Чувство с большими глазами. 13. Распространенный способ европейских путешествий. 15. Ударная форма торговли. 16. Деталь одежды, по которой бьет отсутствие средств. 17. Одна скотина (отчетн.). 19. Способ стать соавтором Джерома. 20. Единица измерения терпения. 22. Классное заведение. 26. Форма дыма, появляющегося в теплой компании. 27. Обожаемая супруга, на которую впору молиться (разг.). 28. Сырье для производства карет (сказ.). 29. Результат сбора с миру по нитке.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Неразумный кочевник. 2. Продукт топорной работы. 3. Молодой человек, которого бьет дама. 5. От горшка — полвершка (декоративн.). 6. Кем хотела стать девица под окном (сказ.). 8. Песня, под которую хорошо загребают (итал.). 9. Движущая материя (интерьерн.). 10. Мастер, живущий шкурными интересами. 11. Лесной медроботник низового звена. 12. Временная подвеска для судьбы. 14. Маленькая, а на всех капает. 18. Шабашница. 21. Обстоятельство, помогающее выйти сухим из воды (юр.). 23. Спутница блокнота и пулемета (песенн.). 24. Летун, которому все хлопает. 25. Духовница (квартирн.).

Составили Н. ГРАЧЕВА и В. ШЕВЕРДЯЕВА.

ОТВЕТЫ НА КВК, опубликованный в № 27

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Ом. 5. Колыбельная. 6. Палач. 8. Спица. 10. Аист. 12. Алиби. 14. Токарь. 15. «Люкс». 17. Вклад. 20. Исповедь. 21. Соломинка. 24. Свист. 26. Грешник. 29. Похититель. 30. Будильник. 31. Гостиница.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Море. 3. Роза. 4. Заяц. 7. Чичиков. 8. Ставка. 9. Клетка. 11. Судья. 13. Закром. 15. Ловелас. 16. Карьерист. 18. Оса. 19. Финиш. 20. Икс. 22. Очередь. 23. Батут. 25. Вулкан. 27. Крик. 28. Волос.

Ироническая фантастика

Борис КОВАЧЕВ (Болгария)

ЭНЕРГИЯ ЗАВИСТИ

— Я пригласил вас на эту яхту,— сказал Галимар Штурф,— не из симпатии к вашему патентному бюро, а из-за фотографии, случайно попавшей мне на глаза в старом номере газеты. Тогда ваши дела основательно пошатнулись, и лицо на снимке выражало зависть. Черную зависть.

— Что вы себе позволяете? — стиснув зубы, сказал я.

— Позволяю. Потому что вы мне нужны. Вы курите?

— Курю, конечно.

— Имеете ли вы зажигалку?

— Кто в наши дни может позволить себе иметь зажигалку? Разве только музеи.

— Пожалуйста. Вот зажигалка.

Я взглянул и отрицательно замахал руками.

— Не пугайтесь! — улыбнулся Штурф. — Эта зажигалка работает не на бензине и не на газе. Она не усугубляет энергетический кризис и законом не запрещена. Подержите ее в кармане.

— Она черпает энергию от человеческого тепла?

— Отнюдь. Источник ее энергии вы узнаете несколько позже.

Я положил зажигалку в карман.

— Кстати, — сказал Штурф, — у меня более двух тысяч зажигалок, бензиновых, газовых и электронных. Я коллекционер.

Зависть схватила меня за горло. Иметь две тысячи зажигалок! В наши дни, когда бензин и газ на вес золота! В эту минуту что-то зажужжало.

— Зарядилась зажигалка, — объяснил Штурф. — Нет, нет, в ней нет батареек. Только микроскопический трансформатор, способный превращать в энергию зависть. На эту идею меня натолкнул мировой энергетический кризис. Что на нашей планете неистощимо? Зависть! Если бы всю вселенскую зависть удалось превратить в энергию! Да. Вы сейчас сами убедитесь, чего я достиг. Благодаря вашей зависти мы совершим небольшое плавание... Ну, хотя бы в Новую Зеландию.

Не оставалось сомнений — Штурф просто помешанный. Я встречал не раз подобных «изобретателей» и «открывателей», которые оказывались опасными психопатами. Придется соглашаться с ним, пока мы не выйдем на палубу. А там я прыгну за борт. Слава богу, я хорошо плаваю.

— Выйдем на палубу, — предложил Штурф.

На палубе солнце нещадно пекло. Огромный супертанкер, расталкивая бортами меньшие суда, пришвартовывался к пристани.

— Сойдем на берег, — схитрил я, — здесь можно расплавиться от жары. На берегу мы найдем тень.

— Вы завидуете тем, кто прохлаждается в тени чинар? Прекрасно! Вы получите тень от этого супертанкера.

Сумасшедший взял у меня из рук зажигалку и направил ее на танкер. Словно гигантский кран поднял в воздух нефтеналивное судно.

Его огромная тень надежно укрыла нашу яхту от палящих лучей.

В тот же миг я чуть не упал от рывка! Мы понеслись по волнам, а над нами, не отставая ни на метр, летел в воздухе супертанкер, даря нам спасительную тень.

...Не прошло и полутора часов, как мы достигли берегов Новой Зеландии. Галимар Штурф поглядывал на меня подозрительно.

— Я вижу, что вы все еще мне не верите, — проворчал он. — Вы считаете меня ненормальным.

«Скорее гипнотизером, — подумал я. — Несомненно, мы все еще находимся в порту, а вся эта история с путешествием в Новую Зеландию — просто гипноз. Все это мне кажется...»

— Нет, вам это не кажется, — сказал Штурф.

Он проделал какую-то манипуляцию с зажигалкой, и супертанкер со всем его экипажем опустился на воду. Капитан судна поднялся на борт нашей яхты.

— Где мы находимся? — спросил его Штурф.

— А черт его знает где! — проворчал капитан. — Я знаю, где мы находились до того, как этот бешеный смерч поднял нас в воздух.

— Проверьте по приборам, — сказал Штурф.

Ворча и чертыхаясь, капитан ушел на свой супертанкер. Возвратившись спустя четверть часа, он доложил:

— Мы находимся в районе сорока градусов широты и ста семидесяти пяти градусов долготы, близ порта Пиктон, в двухстах милях от столицы Новой Зеландии — Веллингтона...

— А это вам не кажется? — подозрительно спросил я капитана.

— Мне никогда ничего не кажется, — сурово ответил он. — Я всегда ориентируюсь по навигационным приборам.

Я больше не задавал вопросов.

— Скажите, капитан, — спросил владелец яхты, — а не испытываете ли вы чувство зависти к вашим коллегам, оставшимся дома?

— Не я один. Вся команда завидует им. Они в родном порту, а нам до него самое меньшее — полтора месяца морских переходов...

Штурф вынул из кармана другую зажигалку.

— Возьмите, — сказал он, — и поместите в таком месте, чтобы она была видна всей команде. Думаю, что это поможет вам добраться до желанной цели за полтора часа.

Спустя несколько минут супертанкер исчез в голубой дали.

— Вы все еще не верите! — сказал

Галимар Штурф, посмотрев на меня недоброжелательно... — Для того, чтобы вы поверили, придется совершить еще одно путешествие. Спуститесь в каюту и облачитесь в скафандр.

Вскоре я почувствовал, что земное притяжение уже не действует на меня. Яхта отделилась от воды и углубилась в небесный океан.

На какой планете мы сели, я не знаю. Путевых указателей почему-то не было. Знаю только, что мы находились где-то по ту сторону Солнечной системы, потому что солнце светило не сверху, а снизу.

— Как вы сами имели возможность убедиться, — сказал Штурф, — я не умалишенный. Я действительно обладаю средством получения даровой сверхэнергии. Но на земле существуют свои законы. Я не могу опубликовать открытие прежде, чем его запатентую. Сразу найдутся сотни охотников прикарманить идею. Я выбрал ваше патентное бюро... Ваши дела оставляют желать лучшего, и вы не будете торговаться. Вот контракт. Подпишите его, и мы вернемся на землю.

Контракт был казальный. В случае успеха предприятия Штурф несметно богател. В случае провала мне грозило полное разорение.

Земля представлялась не больше звезды пятой величины. Что мне оставалось делать? Я подписал контракт.

И сразу же мы тронулись в обратный путь.

Штурф неотрывно следил за указателем скорости.

— Послушайте, вы! — внезапно крикнул Штурф. — Неужели вы не понимаете моего превосходства над вами? Я буду самым богатым человеком на земле, а вы... вы останетесь конторским жучком, лишь немного поправившим свое положение. Так почему вы мне не завидуете? Скорость падает! Давайте зависть! Черную, ненавидящую, поглощающую все человеческие чувства! Завидуйте мне, черт побери!

— Завидовать! Вам? Ну, нет! Если я кому и завидую, так это простым людям, оставшимся на Земле. Они любят, ненавидят, рождаются, умирают, радуются, скорбят, ходят в кино, сидят у телевизоров...

Штурф включил осциллограф. Зеленый лучик еле забрежжил на экране.

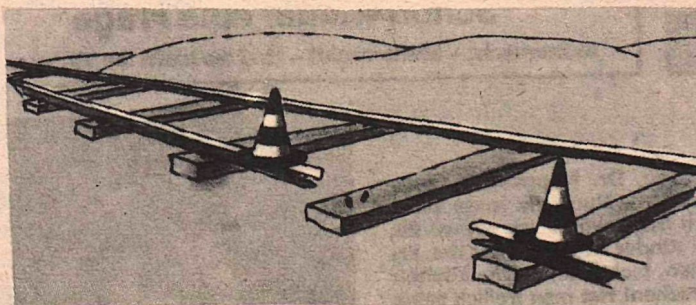
— А! Черт бы вас забрал с вашей белой завистью! Ее энергии едва хватит на то, чтобы мы дотянулись до Земли в двадцать первом веке!.. Давайте черную зависть, человеконенавистническую! Зависть к чужому богатству, чужому успеху, чужой любви! Всем и всему на свете завидуйте!..

— В двадцать первом веке? — медленно произнес я. — Прекрасно... прекрасно!

Я взял подписанный мною контракт и разорвал его на части.

— В двадцать первом веке, — сказал я, — человечество не сможет воспользоваться вашим открытием. Вряд ли тогда люди будут знать, что такое черная зависть...

Авторизованный перевод
Н. ЛАБКОВСКОГО.

«Ойленшпигель», ГДР.

КРОКОДИЛ

№ 28 (2578)
октябрь 1987

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ,
Ю. Б. БОРИН,
А. Е. ВИХРЕВ,
А. Б. ГОЛУБ,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. МОЧАЛОВ
(художественный редактор),
В. В. ПЕСКОВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ
(зам. главного редактора),
А. А. СУКОНЦЕВ,
Л. Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

Темы рисунков этого номера придумали: М. Валиахметов, М. Домбровская, В. Дубов, В. Каневский, В. Луговкин, В. Мохов, И. Норинский, В. Тильман, С. Хасабов.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

НАШ АДРЕС:
101455, ГСП,
Москва, А-137,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 31.08.87.
Подписано к печати 11.09.87.
А 04766.

Формат бумаги 70×108/8.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5 300 000 экз.
(1-й завод: 1—2 699 704).
Изд. № 2666. Зак. № 1198.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил». 1987.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС
«Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

«Карузела», Польша.

Спортивный юмористический словарь

Борис БРАЙНИН

А

Вам противник ставит мат
Четко и внимательно.
У него, как говорят,
К мату **АНТИПАТИЯ**.

Б

Что такое **БЕГОНИЯ**?
Странный вопрос:
Знает каждый спортсмен,
что **БЕГОНИЯ** —
кросс.

В

Если в шторм плохой пловец
Был неосторожен,—
ВЕСЕЛЬЧАК — лихой гребец
Вмиг ему поможет.

Г

Завтра вновь натянут строп
Над тропой тернистой.
А пока что **ГОРОСКОП** —
Лагерь альпинистов.

Д

Кто он, наш **ДОМИНИОН**?
Доминошный чемпион.

Е

Через горы, через балки,
по лыжне — вперед, вперед,
Лишь мелькают **ЕЛКИ-ПАЛКИ**:
Лыжник к финишу идет.

Ж

Уж хотите ль, не хотите ли,
Но не сливки, не сироп —
Стать **ЖИЛЕТКОЙ** долгожителю,
Безусловно, спорт помог.

З

ЗАПЯТКИ — недозволенный прием.
Пенальти — и надежд как не бывало.
Но мяч забрал, и намертво причем,
Непробиваемый вратарь — **ЗАБРАЛО**.

И

Узнаем мы его везде, всегда,
Ведь **ИЗВЕСТНЯК** — футбольная «звезда».

К

У него судьба на карте.
Удивляет часто нас.
Спросишь: что такое **КАРТИНГ**?
Отвечает — преферанс.

Л

ЛУКОМОРЬЕ — все союзная
Здесь живут стрелки из лука.
По мишеням потреллются **ЛОЧЕТА**
Тут же в море **ЛУКАЮТСЯ**.

М

1 **МОЩЬ** — супертяжелотяжеты.
Покоряют нас силою зимою и летом
2 **МОЩЬ** — супертяжелотяжеты.

1987 г.

Вот футбольная проза:
Который уж год
Бьет с двух метров **МИМОЗА**,
Но мимо ворот.

Н

Разноцветье маек. Май.
Выстрел пистолета...
Что такое **НАГОНЯЙ**?
Это эстафета.

О

Крик болельщиков доносится,
И во всей своей красе
Мчится, мчится **ОКОЛЕСИЦА** —
Велогонка по шоссе.

П

Брызги сыплются, как бисер,
Солнце, море, даль и ширь...
Мчится серебристый глассер —
Быстроходный **ПОВОДЫРЬ**.

Р

Мы не ставим им отметку,
Хоть различен их итог:
Ведь **РАЗИНЯ** — это меткий,
РАЗМАЗНЯ — плохой стрелок.

С

Кто пронесся метеором,
Обгоняя ветра свист?
Это в саночках под гору
Мчит **САНОВНИК** — бобслеист.

Т

Ясно даже для ребенка:
Этот статный молодец —
Богатырь, силач, **ТУШЕНКА** —
Всех туширует борец.

У

Ветер в грудь, отнюдь не нежащий,
Но под гул и шум трибун
Финиширует **УБЕЖИЩЕ** —
Оторвавшийся бегун.

Ф

1 Так и сая порой прикинешь
И простой догадке рад.
Что такое **ФОТОФИНИШ**?
Сломан фотоаппарат.

2 Это что же за «артист»
В турпоход собрался?
ФУТУРИСТ — плохой турист:
Уж с утра набрался.

Х

Лыжно-шахматный подход:
ХОД конем — коньковый **ХОД**.

Ц

С ветром спорит джигит,
Смел, порывист и юн.
Слышен цокот копыт,
Мчится **ЦОКОЛЬ**-скакун.

Ч

Если рассуждать не по старинке,
ЧЕЛОВИТЬЕ — это бокс на ринге.

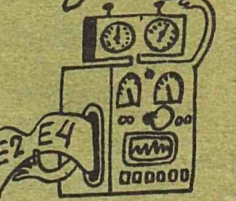
Ш

По дороге еле скачет,
Где быллой приоритет?
ШАНСОНЕТКА — это кляча,
У которой шансов нет.

Щ

Наш **ЩЕЛКУНЧИК** —
просто чудо:
Щелкает на зависть всем
И задачки, и этюды
Он быстрее, чем **ЭВМ**.

Э

Он не дядя Степа —
постовой,
Он **ЭКСЦЕНТРИК** —
бывший центровой.

Ю

На трибунах юный ор,
Вниз летит посуда.
Наших сборных **ЮНИОР**
Явно не оттуда.

Я

Говорят: он «видит поле»,
А секрет совсем простой:
ЯСНОВИДЕЦ на футболе —
Тот, кто взял бинокль с собой.

